ЯРОСЛАВСКИЙ

МОРАЛЬ И БЫТ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

★

·ПРИБОЙ·ЛЕНИНГРАД

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

МОРАЛЬ и БЫТ ПРОЛЕТАРИАТА в ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД

Доклад, читанный в Политехническом музее 14 апреля 1926 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. [redacted].
Ленинград. Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 15318.
Печ. 6000 экз.—5 л. Зак. № 2557.
1926 г.

Прежде всего, два слова о том, почему мы выбрали такую тему: «Мораль и быт пролетариата в переходную эпоху».

У буржуазных писателей вы можете найти утверждение, которое распространялось с самого момента возникновения коммунистического движения, будто **коммунисты разрушают всякую мораль, разрушают всякие нравственные нормы.** И даже тогда, когда выявилась величайшая нравственная глубина коммунистического движения, его величайшая нравственная сила, которая привлекает к коммунизму не только пролетариат, но все более и более привлекает к нему все угнетенное человечество, вы можете встретить указания на то, что коммунизм является по существу аморальным или даже антиморальным движением. Противники коммунизма стараются найти в нашем быту, в нашей повседневной действительности темные пятна на нашем восходящем солнце коммунизма, найти то, что, конечно, и нам самим представляется вовсе не идеальным, вовсе не признаком совершенства нашего быта. Коммунизм строится в обстановке тягчайшей борьбы. Пролетариат—строитель коммунизма—является классом, до сих пор наиболее обездоленным во всех капиталистических странах. Пролетариат в нашей стране является впервые господствующим классом. Поэтому быт его, хотя бы даже в этот переходный период, когда он только-что начинает строить социализм, представляет величайший интерес с точки зрения того, **есть ли в нем какие-нибудь элементы нового общества, не повторяет ли он просто-напросто в несколько измененном виде черты других господствующих классов.** Вот почему мы взяли эту тему «Быт и мораль пролетариата в переходную эпоху».

Чтбы у нас не было недоразумений, я сразу же оговорюсь, что под моралью мы понимаем систему норм, которые регулируют отношения людей друг к другу в совершенно определенной области. Я думаю ограничить сегодняшний доклад, главным образом, нормами семейных и половых

взаимоотношений, постараюсь также показать, какое значение имеет для морали пролетариата религия и чем пролетариат заменяет религию, как мораль пролетариата всецело зависит от суммы религиозных и культурных условий, в которых он живет и которые он сам создает, т.-е. постараюсь показать, что мораль пролетариата целиком зависит от его быта. Я остановлюсь прежде всего на доказательстве того, что классовая мораль существовала во все времена с тех самых пор, как существует классовое общество.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ВНЕКЛАССОВАЯ ИЛИ НАДКЛАССОВАЯ МОРАЛЬ?

Меня могут, конечно, спросить: «Разве у пролетариата есть какая-нибудь особая мораль, разве не существует вечных и общих для всех, обязательных для всех моральных истин? Разве пролетариат не руководствуется в своей борьбе и в своем отношении к людям именно этими вечными моральными истинами?».

Мы, коммунисты, исходим из того положения, что вечных моральных истин нет. Мы исходим из того положения, что каждый класс общества вырабатывает свои нормы поведения. Правда, иногда он эти нормы поведения считает обязательными для всех. В особенности это относится к господствующим классам. Буржуазия излагает свою мораль иногда в виде обязательных законов, как в свое время феодалы создавали свою феодальную нравственность и точно так же иногда формулировали ее в ряде законодательных актов. Если мы присмотримся к тому, как меняются формы морали и содержание ее, мы увидим, что каждый класс общества вырабатывает те или иные нормы нравственности, те или иные нормы морали для данного периода.

Если мы присмотримся, например, к семейным отношениям, которые сложились в крестьянстве, мы увидим здесь наслоение целого ряда исторических традиций, которые сохраняются вместе с отсталыми формами хозяйства. Эти отсталые формы хозяйства складывались в течение веков и определяли собою уклад семьи; в особенности в крестьянстве они определяли собою уклад этой крестьянской

семьи, определяли взаимоотношения между мужем и женой, между отцом и сыном.

В то время, когда женщина была предметом купли и продажи,—в феодальном обществе она была особенно ходким товаром,—в то время складывалось то презрительное отношение к женщине, которое вы можете проследить по любым источникам священного писания, скажем—хотя бы по той же самой библии, по ветхому и новому завету. Вы можете видеть, как женщина приравнивается к рабу, ослу, к дому. «Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его»,—говорит заповедь. Здесь женщина, рабыня—вещь, наравне со скотом. Этот взгляд, именно потому, что он является взглядом господствующего класса, прививается через целый ряд учреждений, через целый ряд надстроек на экономическом фундаменте феодальных крепостнических отношений, через законодательство и через религиозные организации прививается широким массам. Это нисколько не мешает тому, чтобы в том же феодальном обществе к женщине **«своего круга»** феодал относился несколько иначе, чтобы он культивировал у себя культ дам, ради которых он погибает и совершает подвиги. Это нисколько не противоречит его господской морали.

Если вы возьмете буржуазное общество, там отношения складываются в буржуазной семье несколько на иной основе. Там семья имеет значение такой хозяйственной единицы, которая должна унаследовать, увеличить и сберечь богатства, которая занимается накоплением. Здесь складываются отношения купли-продажи. Эти отношения купли-продажи опять-таки облекаются в законодательную форму. Эта мораль прививается и нижестоящим классам.

«МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТ ЖИВОГО».

Те или иные формы, те или иные надстройки над экономическим фундаментом отмирают не сразу; они имеют более устойчивый характер, иногда длятся в течение нескольких десятилетий после того, как в основном тот или другой общественный строй отмирает. Мы часто наблюдаем, что в крестьянстве, а также и в рабочем классе сохраняются

такие нормы, которые экономически начинают отмирать или в значительной степени уже отмирают. То, что питает в пролетарской среде пережитки буржуазной морали и даже пережитки морали феодального общества, это то, что не бывает такого переворота, при котором исчез бы совершенно тот общественный строй, на смену котофому приходит новый. Остатки старого сохраняются, пережитки его существуют иногда в очень значительных размерах, — «мертвый хватает живого», как говорят французы. Например, в нашей стране существуют еще в достаточных размерах остатки самых разнообразных общественных формаций: на-ряду с гигантскими городами, где имеется развитой промышленный пролетариат, ведущий социалистическое хозяйство, мы имеем огромные массы крестьянства, которые ведут индивидуальное хозяйство. Мы имеем в нашей стране еще часть буржуазии—торговой, промышленной, буржуазной интеллигенции, мы имеем целые области, где еще сохраняются остатки феодальных отношений. Мы имеем области, где еще существует родовой быт. Именно потому, что мы живем в такой обстановке, где на-лицо пестрота социальных отношений, в нашем переходном периоде мы не видим **чистых форм** окончательно вылившейся, вполне оформившейся пролетарской морали, а видим **переходные формы,** где ростки новой морали, ростки нового социалистического будущего с огромными трудностями преодолевают сопротивление отживающих и отживших форм.

«ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ», «ВЕЧНЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ».

Посмотрим, что представляют из себя так называемые «вечные истины», «вечные моральные ценности», о которых нам говорят моралисты. Они говорят, что такие вещи существуют и что человечество могло бы ими руководствоваться и было бы счастливым. Возьмем истину: «люби ближнего своего, как самого себя». Многих чрезвычайно привлекает эта истина, и многие считают, что, если бы человечество руководствовалось этой истиной, оно было бы счастливо. Но кто же — **«ближний»?** В классовом обществе, кто может быть ближним? Мы переживали голодный год, переживали, вернее говоря, голодные годы, когда обострилось положе-

ние рабочего класса в городах, когда только самыми жесточайшими мерами нажима можно было получить для рабочих хлеб. И вот, если бы в то время кому-нибудь вздумалось применить эту общечеловеческую истину и с этой истиной отправиться в любую деревню, постучаться в любой дом и сказать: «вот я твой ближний; я тебя люблю, накорми меня, обогрей» и т. д., конечно, в любом доме вы могли встретить ответ совершенно не в духе этой морали. Вряд ли вам сказали бы, что вы — ближний. Вам сказали бы, что вы вовсе не ближний, что ближний—Иван и Петр, а вы человек дальний. Понятие «ближний» и «дальний» в классовом обществе — это понятие классовое. Для дворянина ближний человек — человек его круга и его ранга. Уже нижестоящие, мелкопоместный дворянин — это выскочка, это ему не ровня, он не может к нему относиться, как к ближнему человеку. Класс, сословие поддерживает людей своего класса, сословия, а не человека из другого какого-нибудь класса.

Среди господствующих буржуазных классов процветает величайшее лицемерие. Например, в присутствии лакея можно говорить или делать такие вещи, которые нельзя делать и говорить в присутствии человека «своего круга». Почему? Потому что лакея не считают за человека, а только за «человека». Как же тут говорить о том, что мы бы могли в таком классовом обществе применять, как общепонятную, общезначимую, как правило **для всех,** такую истину, как «люби ближнего своего, как самого себя», когда люди разделены на классы, разделены на ближних и дальних? Поэтому **только тогда, когда исчезнет классовое общество — возможно такое отношение людей друг к другу, когда они все будут считать себя ближними.** Это возможно только в бесклассовом обществе. Возьмем другое правило: «не пожелай другому того, чего не желаешь себе», — это, конечно, очень привлекательная формула, но, если вы ее начнете применять к жизни, вы увидите, что каждый класс подойдет к ней по-другому. «Как же, — скажет какой-нибудь Вандербильд, — я не пожелаю коммунистам того, чего я не желаю себе? Себе я, например, не желаю разорения, а чтобы Советская власть разорилась — я желаю ей этого от всей души». Или возьмем борьбу, которая проис-

ходит во всех капиталистических странах, например борьбу, происходящую сейчас на Дальнем Востоке. Попробуйте подойти с такой моралью к какому-нибудь английскому, японскому, американскому империалисту, который рассуждает так, что цена кули — 2 мексиканских доллара и нечего его жалеть, этого китайского кули. «Чем больше будет их раздавлено в этой борьбе, тем более они будут покорны,—так рассуждают они. Конечно, по меньшей вере смешным донкихотством было бы, если бы мы всерьез стали применять эти нормы морали к буржуазному обществу, разделенному на классы.

Мы знаем такие правила поведения, которые вырабатывались философами, например: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла служить принципом всеобщего законодательства», — т.-е., если ты что-нибудь считаешь правильным, истинным, то поступай так, чтобы это было истиной для всех. Буржуазия, господствующие классы приблизительно так и поступают. Они свою волю, то, что они считают выгодным для себя, пытаются навязать и всем остальным угнетенным классам. Но мы прекрасно знаем, что каждый класс, когда ему навязывают такую мораль, выдвигает против нее свой собственный, совершенно противоположный закон. Таким образом, попытка подойти к разрешению вопросов морали с точки зрения этих «вечных истин», конечно, потерпит крушение, как только мы с высот идеалистической философии спустимся в гущу жизни.

Мне могут сказать: «Разве не вечны такие истины, как, например, правда и ложь? разве может быть такая правда, которая не для всех является правдой?». Мы знаем, что святые отцы изобрели такое правило: «Бывает ложь во спасение». Мы, революционеры, на себе испытали, что иногда ложь бывает во спасение тому делу, которому ты служишь. Иногда к нам, молодым революционерам, приходили жандармы с такой «моральной» истиной: «Вы нам наверное раскроете правду, вы—такой прекрасный молодой человек, вы не станете лгать» и т. д. Но что означала **правдивость** в этих условиях? — Это означало **выдать своих товарищей по организации,** предать их, отдать их на казнь, на муку. И во имя чего? — Во имя того, чтобы рассказать жандарму **правду.** Конечно, **мы предпочитали лгать, мы предпочитали**

говорить неправду, обманывать своих классовых врагов, и обман по отношению к классовому врагу мы считаем правильным с точки зрения той классовой морали, которой мы придерживаемся, с точки зрения интересов того дела, ради которого мы боремся; мы считаем обман классового врага моральным, полезным, нравственным.

И наоборот — ложь по отношению к своему собственному классу, ложь по отношению к своим единомышленникам мы считаем антиморальной, бесчестной. У нас бывает так, что мы исключаем из своей партии товарища только за то, что он скрывает от партии свое прошлое. Мы его не всегда за это прошлое исключаем. Если он к нам приходит и говорит: «я в таком-то году был меньшевиком, эс-эром, я в таком-то году служил у белых, я в таком-то году работал в полиции, но вот с такого-то года я работаю на благо революции», мы взвешиваем **все обстоятельства,** и иногда его последние годы, годы борьбы в рядах рабочего класса **перевешивают,** перетягивают все его отрицательное прошлое: и то, что он выходец из чужого класса и чужой партии, и то, что он боролся против нас. Если мы видим, что то благо, которое он приносит делу пролетариата, больше, чем отрицательные моменты в его жизни, — мы принимаем его в свои ряды. Но, если он нас обманул, мы иногда его исключаем из партии, потому что мы считаем, что обман своего класса не дает нам возможности верить этому человеку: а может-быть он еще что-нибудь скрыл, может-быть он и сейчас что-нибудь скрывает? Как видите, мы к этим понятиям подходим не с точки зрения мертвой отвлеченной теории, но с точки зрения живых интересов борющегося пролетариата, как мы их понимаем. И эту мерку — **благо революции — мы считаем величайшим нравственным законом для нас.** То же относится к таким понятиям, как предательство и верность. Мы, прежде всего, спрашиваем: «Предательство кого?». Ведь ни для кого не секрет, что мы вынуждены иногда проникать в среду наших врагов для того, чтобы знать, что они думают, что они затевают. Иногда нам приходится надевать в этих случаях личину. С точки зрения «вечных законов морали» это — безнравственность, а с точки зрения интересов того дела, которому мы служим, это вполне моральный поступок.

Возьмем такое правило поведения, как «не убий». Та самая библия, где вы найдете это «не убий», чуть ли не на каждой странице залита кровью, кровью национальной вражды, религиозной вражды, классовой борьбы, дикого, слепого изуверства. Залиты кровью и все страницы истории христианства—того учения, которое особенно гордится «вечными истинами». Его история есть история костров, инквизиции, религиозных войн, фанатической нетерпимости [1].

Я припоминаю империалистическую войну. Я не знаю ни одной религиозной организации, кроме толстовцев, которая во время империалистической войны не призывала бы в той или иной стране на помощь господствующим классам. Каждая по-своему, каждая с той или иной оговоркой, а иногда без всяких оговорок использовала аппарат своей религиозной организации для того, чтобы двинуть массы воинов в бой. Конечно, при этом каждая по-своему об'ясняла: одни говорили о том, что турки—варвары, другие говорили: немцы, тевтоны—варвары; немецкие пасторы уверяли, что русские—варвары, англичане по-своему, французы по-своему и т. д. Во всяком случае религиозные организации помогли уложить в землю около 10.000.000 людей. В то время они забыли эту **«вечную»** истину: «не убий»; а вот, когда в Октябрьские дни пролетариат в первый раз в мире должен был по-плебейски расправиться с своим вековым врагом, тогда они вспомнили про эту заповедь; уложив десятки миллионов пролетариата и крестьянства на полях сражения, они вспомнили, что существует такая заповедь: «не убий». Жалкие обманщики, лицемеры! Правильно говорит т. Евг. Преображенский, что если переложить это выражение

---

[1] Мне прислано письмо после доклада за подписью рабочего Ферапонтова (ни по стилю, ни по содержанию оно не является письмом рабочего, а очень напоминает послание какого-нибудь обозленного епископа), в котором меня спрашивают: а разве ГПУ—не инквизиция? ОГПУ есть орган пролетарской диктатуры, охраняющей Советскую власть от всяких контрреволюционных попыток. ОГПУ беспощадно карает всех врагов рабочего класса, всех врагов трудящихся. А инквизиция защищала интересы паразитов—монахов, священников, крепостников, графов, баронов, королей. Такие «ехидные вопросы» сразу выдают ослиные уши автора их. Конечно, и в пролетарской семье может быть этакий «рабочий» из тех, что «прежде был кесарем, а теперь стал слесарем». Но я глубоко убежден, что письмо писано человеком, враждебным рабочему классу.

«не убий» со славянского языка на простой русский, то это выйдет так: «постреливай по мере надобности». Так и поступают все «христианские» буржуазные правительства.

Могли мы далеко пойти с этими самыми «вечными истинами»? Можем ли мы продвигаться с ними хоть сколько-нибудь вперед?

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.

Чем был Октябрьский переворот с точки зрения отношений к этой морали враждебных пролетариату классов? Он был, прежде всего, моментом, когда решался исторический спор. С одной стороны, крестьянство, с другой—дворянство. Класс, который господствовал в течение многих столетий, который имел свою богатую культуру, который наложил свой отпечаток — очень глубокий отпечаток — на все стороны нашей жизни — этот класс был сметен бесповоротно. И конечно, экономические последствия этого переворота повлекли за собой целый ряд сдвигов и в области морали. С другой стороны, выступил руководитель этой борьбы — пролетариат, самый передовой, самый революционный класс, интересы которого враждебны интересам всего буржуазного мира и заставляют его добиваться уничтожения классового общества. Октябрьский переворот и первые годы после него были связаны с бурным протестом против всех установившихся форм жизни. Этот бурный протест носил временами уродливый характер. Он доходил до таких крайностей, которые были не в интересах пролетариата; он породил в некоторых слоях и прослойках, примыкающих к пролетариату, такие явления, которые по внешности казались необычайно революционными и прикрывались революциоными этикетами; по существу же это было извращением буржуазной морали в новой обстановке. Об этом я скажу потом несколько подробней.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ?

Перед нами встает впрос: **создает ли пролетариат в период ломки, когда еще нет коммунистического общества, когда только что создаются элементы этого общества,**

свою мораль и существует ли вообще коммунистическая мораль?

На это я постараюсь ответить, прежде всего, словами Владимира Ильича. Владимир Ильич в одной из своих речей на комсомольском с'езде 1920 г., несколько расходясь в этом отношении со взглядами отдельных наших коммунистов, но вполне солидаризируясь с Марксом и Энгельсом, говорившим еще в «Коммунистическом Манифесте» о классовой морали, прямо поставил вопрос: существует ли коммунистическая мораль? И отвечает: да, существует.

«Вы должны воспитать из себя коммунистов, — говорил Ленин, обращаясь к с'езду комсомола. — Задача Союза Молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

«Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам. В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога, — мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, выводила ее из идеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

«Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это—обман, что это—надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

«Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

«Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо было создать об'единение. Боженька такого об'единения не создаст.

«Такое об'единение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки; лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира» [1].

Я обращаю внимание на то, что Владимир Ильич ставит знак равенства между моралью и нравственностью. В том смысле, отвечает он, в каком проповедывала ее буржуазия, которая вывела эту нравственность из веления божия, мы отрицаем мораль. Мы хорошо знаем, о каком боге могла думать буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы: этот бог—капитал. Мы знаем, что буржуазия вывела эту мораль из веления именно этого бога, а облекла эти веления в пышные идеологические одежды для того, чтобы придать им вид велений бога.

Как же можно подчинить нравственность интересам пролетариата?

«Классовая борьба продолжается, она только изменила свои формы. Это—классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплуататоры, чтобы соединилась раздробленная масса крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача—подчинить все интересы этой борьбе.

«И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность—это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 320—321, «Задачи Союзов Молодежи». ГИЗ.

об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

«Коммунистическая нравственность — это та, которая служит этой борьбе, которая об'единяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества... [1]

«И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которой идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплуататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам об'единиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

«Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это—обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» [2].

КАК ДОЛЖЕН ПОСТУПАТЬ ПРОЛЕТАРИЙ ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ?

«Старое общество,—говорит Ленин,—было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие: либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом — человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

«Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 322—323, «Задачи Союзов Молодежи». ГИЗ.

[2] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 321—322, «Задачи Союзов Молодежи». ГИЗ.

врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого.

«Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

«Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

«Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

«Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

«Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем.

«Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

«Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной, отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

«Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила нравственности. Не в этом состоит воспитание.

«Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов; когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начи-

нал борьбу против эксплуататоров; когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами.

«В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения .Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму» [1].

Таким образом, Владимир Ильич дает совершенно точное определение того, что мы считаем коммунистической нравственностью. Это есть нравственность, в общем и целом подчиненная интересам классовой борьбы пролетариата. Морально с этой точки зрения, нравственно все то, что помогает этой борьбе, все то, что служит ее интересам, и наоборот безнравственно, антиморально все то, что мешает этой борьбе. И с этой точки зрения мы, коммунисты, должны подходить не только к партийным, но и к беспартийным: соответствуют ли их поступки, их поведение, их отношение к другим людям и между собою этому требованию? Поступают ли они так, что их поведение помогает об'единению всех трудящихся, или наоборот? Поэтому, когда у нас встречаются такие товарищи, даже среди коммунистов, которые говорят: «То, что я делаю сейчас, это относится к моей **личной** жизни, это не касается общества»,—мы считаем, что они часто неправы. В том-то и все дело, что мы, горсточка коммунистов (а я думаю, что 1.080.000 коммунистов среди 100-150-миллионного населения—это все еще горсточка)— мы у всех на виду. К нам применяется иная мерка, чем по отношению ко всем остальным. Мы считаем, что компартия есть передовой отряд пролетариата, его авангард; комсомол есть организация, идущая на смену компартии; это есть организация, которая тоже представляет из себя коммунистический авангард рабоче-крестьянской молодежи; она является школой коммунизма, и поэтому к ней приходится пред'являть иные требования, более суровые, более серьез-

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 323—324—325, «Задачи Союзов Молодежи», ГИЗ.

ные. Тут иногда бывает столкновение между личным и общественным, и, разумеется, нам нужно вырабатывать такие формы общения между собою, и в личной и общественной жизни, которые целиком можно было бы назвать коммунистическими с той точки зрения, что они помогают об'единить вокруг передового авангарда пролетариата остальные массы трудящихся рабочих и крестьян и колеблющиеся прослойки интеллигенции. Поведение нашего авангарда должно показать, что здесь мы имеем дело с более высокой, более совершенной формой жизни, которая ведет вперед, которая обещает расширение, многообразие, красочность жизни, ведет к известному обогащению жинзи.

Владимир Ильич видел, что то поколение, к которому мы принадлежим, все еще несет на себе какой-то отпечаток старого общества. Он сознавал, что иногда мы сами не замечаем, как много в нас еще пережитков чуждой пролетариату психологии и идеологии. Владимир Ильич возлагает надежды на молодежь, на комсомол, на подрастающее поколение, которое способно будет довести дело коммунизма до конца, и указывает ему путь: «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление коммунизма. **Если бы вся наша борьба не была освещена именно этой задачей, — борьбой за коммунизм, тогда, конечно, все то, о чем я говорил раньше, — ложь, предательство и т. д., могло бы быть направлено совершенно в другую сторону, потому что не было бы той силы, которя осмысливает сейчас тот или иной поступок коммуниста».**

Таким образом вы видите, как подходит к этому вопросу тот человек, которого мы считаем своим учителем и учителем не только в области политики,—ибо теперь для всех ясно, что в лице Ленина мы имели величайшее воплощение всего того, что составляет сущность пролетарского движения, всего того, что составляет, если можно выразиться несколько идеалистически, **душу коммунизма** — его основное содержание. Это был не только политик, не только теоретик и практик,—это был человек, который умел осветить каждый шаг нашей борьбы, как бы она ни была тяжела, как бы она ни была мучительна. Он умел осветить его не какой-нибудь отвлеченной истиной, а вот именно этой совершенно определенной, реальной, конкретной задачей—борь-

бой за коммунизм, осмыслить его с точки зрения коммунизма.

Некоторые товарищи к самым понятиям «этика» и «мораль», как к определенным нормам поведения для пролетариата, относятся отрицательно. Они считают, что это совершенно не нужно. Самую терминологию они считают неправильной и полагают просто-напросто ограничиться тем, что пролетариату нужно выработать некоторые нормы поведения, в роде правил, какие составляет себе столяр, когда делает табуретку. Я думаю, что тут, в значительной степени, недоразумение. Мы вовсе не думаем устанавливать для этого переходного периода **кодекса законов о морали.**

Я приведу маленький пример. Мы, коммунисты, против пьянства, мы боремся с пьянством; мы хорошо знаем, что в нашей среде, среди коммунистов, есть люди любящие выпить и умеющие выпить (Смех); и некоторые товарищи, которые обладают этой слабостью, говорят: напишите, что можно выпить один стакан или два, а больше этого нельзя, определите норму (Смех). Я привел грубый пример, но у нас есть другие примеры. При обсуждении вопроса о браке на сессии ВЦИК'а некоторые товарищи предлагали установить размеры семьи. Больше такого-то количества жен и мужей иметь нельзя, закон воспрещает, а иначе приходится привлекать к ответственности и предавать суду. Нам предлагают написать такие кодексы морали: что для переходного периода до наступления социализма или до уничтожения классов: форма семьи—такая-то, в отношении пьянства — такие-то нормы и т. д. и т. д. Конечно, мы относимся к этому отрицательно, мы не пишем кодексов морали, но **мы стремимся выработать такие нормы,** которые изменяются самой жизнью, **которые помогли бы в борьбе пролетариату.**

ЧТО МЫ ПОДРАЗУМЕВАЕМ ПОД «БЫТОМ»?

Может быть, то определение, которое я здесь даю,не обнимает всех сторон быта, но оно обхватывает **наибольшее число сторон быта.** Это— сумма материальных и культурных условий, в которых живет данный класс общества в данный период. Если мы говорим о быте пролетариата, как о сумме культурных и материальных условий, в которых живет

пролетариат, то потому, что это—особые условия, чем те условия, в которых живет крестьянство. Поэтому мы имеем налицо, с одной стороны, определенный крестьянский быт и, с другой—быт пролетарский. Мы имеем также иэпманский быт,—тоже особый быт. Почему мы берем переходную эпоху? Потому что, как я уже об'яснял, нет морали и нет быта неизменного. Чем определяется переходный период—период нэп'а? Наличием двух основных классов, между которыми существует союз: рабочего класса и крестьянства, живущих в особых условиях. Кроме этих двух классов, мы имеем класс новой буржуазии, отчасти корнями своими уходящий в прошлое, отчасти питающийся обстановкой нового. Сказывается как-нибудь этот социальный переплет на быте и на морали? Конечно, сказывается. Если можно было бы отделить пролетариат от других классов такой стеной, чтобы он существовал совершенно отдельно, чтобы он строил совершенно отдельно социализм, тогда мы имели бы меньше буржуазных влияний на пролетариат. Но такого отделения быть не может. Пролетариат не порвал и не может порвать с другими классами, пока не построит социализм, когда вообще исчезнут классы. Кадры пролетариата с каждым днем растут все более и более; все более развивается хозяйство, городская промышленность. Пролетариат будет питаться новыми силами из другого класса, из крестьянского класса, класса мелких собственников, класса хозяев, имеющих свои социальные навыки, свою психологию, свои обычаи, свои нормы морали. Мы имеем остатки, обломки, пережитки других классов, социальных образований общества, которое мы разрушаем, учреждений и институтов, которые были созданы враждебными нам классами.

Мы имеем налицо религиозные организации, которые являются именно теми учреждениями, институтами враждебного нам общества, которое мы свергли; эти организации созданы на потребу господствующим классам, которым и служили, дело которых защищали. Эти организации остались; и на-ряду с тем, что в пролетарские массы постоянно просачиваются чуждые пролетариату мелко-буржуазные влияния из деревни, мы имеем влияние, с одной стороны — нэпманской среды, а с другой — именно тех учреждений, которые остались неразрушенными революцией в виде це-

лого ряда религиозных организаций самых разнообразных оттенков и мастей. Может ли пролетариат построить свой быт, свои отношения к людям совершенно независимо от этих классовых, социальных условий? Конечно, нет. **Он с большим трудом может построить свой пролетарский быт, свой новый коммунистический мир. Он может его построить только в борьбе с этими влияниями.** Таким образом, здесь существует отношение известной зависимости.

Может ли пролетариат в этот переходаый период построить коммунистический быт? То, что мы им называем, не является еще коммунистическим бытом. Владимир Ильич был тысячу раз прав, когда он предлагал запретить называть коммунистическим то, что мы имеем сейчас в целом ряде случаев под видом коммунистического. Владимир Ильич говорил не однажды, что слово «коммунистический» налагает очень большие обязательства; и прежде, чем называть что-нибудь коммунистическим, надо взвесить, носит ли оно в себе элементы коммунизма. Сплошь и рядом мы слышим о **«коммунистическом быте»**, хотя, по существу, он еще очень далек от коммунизма. **Это только первые попытки коммунистов создать в обстановке еще враждебной нам, в обстановке капиталистического окружения, в обстановке мелкобуржуазного окружения первые зачатки коммунистического быта.**

Возьмите область сельского хозяйства, вспомните наши первые сельско-хозяйственные коммуны — с какими огромными трудностями они выживают. Многие наши коммуны были по нескольку раз разгромлены. Они создавались в обстановке величайшей разрухи. Ведь они должны были показать, что коллективное хозяйство выше, выгоднее, целесообразнее, дает больше простора в жизни, тем, кто в нем участвует, чем индивидуальное хозяйство. Между тем, наши коммуны создавались в такой обстановке, когда ничего, кроме страшной разрухи, не было, когда они не умели хозяйничать, да и не было чем хозяйничать. Нужно удивляться не тому, что так мало хороших коммун, а тому, как в этих неблагоприятных условиях смогли выжить и вырасти те немногие настоящие кммуны, которые вносят новое в быт крестьян, которые учат крестьянство новому хозяйству.

Если мы обратимся к нашему социалистическому строительству в городах, мы увидим, что оно, конечно, гораздо шире, гораздо крупнее. Я не говорю о наших фабриках и заводах, я беру то, что делает рабочий класс в смысле социалистического строительства в области быта. Здесь дело также идет с величайшими трудностями, и я постараюсь перед вами нарисовать хотя бы и очень неполную картину того, чего мы смогли добиться в этих условиях.

ЧТО НЕОБХОДИМО РАБОЧЕМУ КЛАССУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОСТРОИТЬ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ БЫТ?

Мы, прежде всего, упираемся в материальные условия. Мы унаследовали от прошлого фабрики и заводы. Они за время империалистической войны износились, не ремонтировались, машины и постройки устарели, запасы были истощены в самый короткий срок. В период гражданской войны мы прожили эти запасы, а сейчас пролетариату не только приходится восстанавливать то, что было разрушено годами империалистической и гражданской войны, но приходится поднимать хозяйство на более высокую ступень. Сейчас и в области сельского хозяйства и в области промышленности мы приближаемся к довоенным нормам. Кое-где мы их перегоняем, и именно в том отношении, что мы подводим под нашу промышленность новую техническую базу. В смысле электрификации мы перешагнули довоенные нормы, примерно, на 60 проц. Мы закладываем гигантские электрические станции, которых мы не имели до революции. Они разбрасывают сейчас свои лучи в деревню, в самые глухие сельские местности. Это процесс медленный. Владимир Ильич считал, что основной план мы можем выполнить в течение десяти лет. Как пролетариат может его выполнить?—Только путем величайших жертв, только отрывая от своего бюджета, только не настаивая на быстром темпе роста своей зарплаты, пролетариат может медленно, упорно строить ту новую техническую базу, без которой немыслимо строительство нового быта. Если в деревне мы останемся при керосиновой лампе, при лучине, при каганце, то никакого нового быта у нас не будет. Если мы будем строить электростанции только для городов, а деревня останется во

тьме, никакой смычки между пролетариатом и крестьянством мы не осуществим. Вот почему первые шаги пролетариата в деле подведения социалистической основы под наше строительство требуют величайших жертв с его стороны. Между тем, для того, чтобы двинуть вперед постройку нового быта, требуются огромные материальные средства.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО МЫ УПИРАЕМСЯ В ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС.

Некоторые из вас, вероятно, думают, что в буржуазном обществе, в больших капиталистических государствах, дело в этом отношении обстоит гораздо более благоприятно. Конечно, если пройтись по какой-нибудь шикарной улице центрального Лондона или, наоборот, его богатых окраин, может показаться, что там люди живут совсем по-другому. Но если пройтись где-нибудь в Уайт-Чэпле (это бедная часть Лондона), то вы увидите такие трущобы, такие клоаки, которые не выдерживают никакого сравнения с нашими рабочими окраинами. Я прочту вам материалы одного из обследований, о которых сообщает Энгельс в своей работе о жилищном вопросе. Это обследование было произведено в одном из городов Ирландии: «Сквайр-Курт окружен семью и восьмью домами на углу Чарльзстрита и Брукстрита, над которыми можно проходить хоть ежедневно, даже по самой низменной части Брукстрита под железнодорожной аркой, не подозревая вовсе, что тут в глубине живут в пещерах человеческие существа. Двор скрыт от постороннего взора, доступен только тем, кого нищета заставляет искать пристанища в его помещениях, похожих на могилы. Даже, когда стоячие, по большей части запруженные плотинами, воды Медлока не выходят за пределы обычного своего уровня, пол этих жилищ едва ли несколькими дюймами бывает выше его: каждый значительный дождь в состоянии поднять отвратительную загнившую воду из выгребных ям или сточных труб и наполнить жилище ядовитыми газами — знак памяти, оставляемый каждым наводнением. Сквайр-Курт лежит еще ниже, чем пустые подвалы домов на Брукстрите, двадцатью футами ниже улицы, и за-

раженная вода, поднявшаяся из выгребных ям в субботу, достигла до крыш. Мы знали это и были уверены, что или этот двор необитаем, или надеялись застать в нем только служащих санитарной комиссии, занятых очисткой вонючих стен и дезинфекцией. Вместо этого мы застали человека, который в подвальном помещении цырюльника... накладывал лопатами кучи гниющей дряни, лежавшей в углу, на ручную тачку. Цырюльник, подвал которого был уже в известной степени выметен, послал нас еще ниже, в ряд квартир, о которых он сказал, что если бы он умел писать, то написал бы в газету и настаивал бы на их закрытии. Наконец, мы нашли красивую, здоровую на вид ирландку, перед которой лежала куча белья. Она и ее муж, ночной сторож на частной службе, живут шесть лет в этом дворе.. у них большая семья... В доме, который они только что покинули, поток достиг почти до самой крыши, окна разбиты, мебель превращена в щепки. Жилец этого дома, по его словам, мог избавиться от невыносимого запаха лишь благодаря тому, что каждые два месяца белил стены известью... Во внутреннем дворе, куда репортеру удалось теперь проникнуть, он нашел три дома, задняя стена которых упиралась в вышеописанные дома; в двух из них были жильцы. Вонь была так ужасна, что самый здоровый человек должен был через несколько минут заболеть морской болезнью. В этой отвратительной дыре жила семья из семи лиц, которые в четверг вечером (день начала наводнения) все спали в доме, но вернее, как пояснила женщина, не спали, так как ее и ее мужа большую часть ночи рвало от вони. В субботу они принуждены были, по грудь в воде, вынести своих детей. Она тоже того мнения, что дыра эта не годится даже для свиней, но она наняла ее в виду дешевизны, полтора шиллинга (около 75 коп.) в неделю, так как муж ее по болезни в последнее время часто лишен заработка. Этот двор и погребенные в нем, как в преждевременной могиле, жильцы производят впечатление самой крайней беспомощности. Мы должны, впрочем, сказать, что по сделанным наблюдениям Сквайр-Курт является только образцом, может быть, несколько преувеличенным еще нескольких других помещений той же местности» [1].

[1] Фридрих Энгельс, Жилищный вопрос. ГИЗ. Москва. 1922.

«Это—яркий пример того,—добавляет Фридрих Энгельс:—как буржуазия на практике решает жилищный вопрос. Очаги заразы, возмутительнейшие пещеры и ямы, в которые капиталистический способ производства загоняет еженощно наших рабочих, не уничтожаются—нет, они попросту... переносятся в другие места! Та же экономическая необходимость, которая создала их на первом месте, создаст их и на втором. И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо решать отдельно жилищный или какой-либо другой вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение заключается в отмене капиталистического способа производства, в присоединении рабочим классом всех средств жизни и орудий труда».

Но нам могут сказать: а как вы решаете жилищный вопрос? Разве у вас нет вонючих кварталов? Но если взять то, что делается в этой области—я могу сказать, что в этом отношении **относительно мы делаем больше, чем любое капиталистическое, самое богатое государство. Основная масса средств, которые сейчас тратятся на жилищное строительство, затрачивается, в интересах рабочего класса, на рабочее строительство.** Нам неоднократно крестьяне ставят это на вид, ревнуют и говорят: вы строите для рабочих дома. Действительно, лучшие дома в городах мы превращаем в дома коммуны. Мы обставляем целый ряд крупных промышленных центров рабочими городками. Мы берем лучшие образцы строительства, какие есть в Западной Европе и Америке. В этой части, даже при наших скудных средствах, мы должны сказать, что мы делаем относительно очень много.

Если вы возьмете жилищное строительство Москвы или Донбасса, Иваново-Вознесенска или других каких-нибудь промышленных центров, то увидите, что мы имеем здесь кое-что новое. **Если просто подсчитать то, что произошло после революции в смысле создания домов-коммун, в смысле постройки и создания клубов для рабочих, народных домов для рабочих и крестьян, в смысле создания детских садов, яслей, детских площадок, площадок физкультуры, домов отдыха, санаторий—то, конечно, мы за эти 8 лет, в самых неслыханно трудных условиях, в нищете и разрухе, сделали**

гораздо более, чем мог бы ожидать рабочий класс в условиях капиталистического государства.

Это все—ростки нового, ростки социализма.

А между тем то, что мы делаем—все еще мало, и это оказывает величайшее влияние на все решение вопроса о создании нового рабочего быта.

Можно ли, в самом деле, разрешить сколько-нибудь положительно вопрос об освобождении женщины, не решая жилищного вопроса? В наших условиях, когда женщине сплошь и рядом приходится брать на себя, как и прежде, решительно все обязанности по уходу за членами семьи, начиная от варки пищи, от уборки квартиры и кончая уходом за детьми и стиркой белья и т. д. и т. д., в наших трудных жилищных условиях можно ли построить новый коммунистический быт? Конечно, нет. Это еще не есть коммунистический быт, когда каждой женщине приходится еще — я беру массу — попрежнему вести свое индивидуальное хозяйство. Мы еще от этого не отошли, мы не поставили еще, как следует, общественное воспитание детей и общественное питание, мы только начинаем кое-что создавать в этом отношении. Понятно, мы должны сказать прямо, что **мы только начинаем разрешать и жилищный вопрос** и поэтому начинаем разрешать целый ряд вопросов, связанных с жилищным вопросом. Можно ли, например, разрешить вопрос, хотя бы о правильном воспитании детей в наших жилищных условиях? Нет—нельзя. Когда говорят о раннем половом созревании нашего юношества, мы должны иметь в виду, что здесь очень большую роль играет скученность наших жилищ, что молодежь вынуждена жить вместе с отцами, матерями, чуть ли не в одной комнате, когда половые потребности нередко удовлетворяются на глазах детей, в их присутствии. Разве это не так, если взять рабочую семью? Разве это не способствует пробуждению половых инстинктов в таком раннем возрасте, когда это представляет опасность для организма? Ведь это факт. Эти вопросы нельзя разрешить без того, чтобы не разрешить правильным образом тот же жилищный вопрос. А чтобы правильно решить жилищный вопрос, пролетариату надо иметь определенный резерв, надо перейти на путь социалистического накопле-

ния. Пролетариат знает, что он может создать все только своими руками. Может быть, шарлатан какой-нибудь пообещает за него сделать, предложив ему уповать на бога или на другой класс? Пролетариат знает, что он может сделать только сам, своими силами, и он это делает.

Повторяю, что это—один из важнейших вопросов нашего коммунистического быта. Разрешение жилищного вопроса может действительно создать условия для расцвета сил пролетариата, но думать, что мы можем это сделать в самый короткий срок, в два-четыре года, было бы неправильно. В этом отношении надо себе совершенно отчетливо представить, что путь пролетариата—путь трудный. Здесь ему нужны огромные усилия для того, чтобы преодолеть величайшие трудности, чтобы накопить больше средств, так как без них он не сможет построить новой культуры, пролетарской культуры. Отсюда влияние пролетариата перейдет дальше, будет распространяться на деревню посредством техники, посредством электрификации, машин, лучших путей сообщения, которые создаст пролетариат. По мере этого будет исчезать разница между пролетариатом и крестьянством.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС.

Я перехожу теперь к одному из вопросов, который играет огромную роль во всех наших отношениях, который иногда является предметом острого внимания, особенно у нашей молодежи. Неоднократно ко мне обращались ВУЗ'овцы с предложением поставить доклад на тему: половой вопрос, половые взаимоотношения, брак и семья. Это — темы, которыми очень часто интересуются.

Тут я должен сказать, что у нас, более пожилых революционеров, есть некоторое предубеждение против постановки этого вопроса. Мы имеем в виду прожитый нами период, когда в свое время, перед первой революцией, мы как-то так работали, что эта сторона жизни иногда совершенно отодвигалась на задний план. Было бы смешно и дико, если бы кто-нибудь из нас в 1903, 1904, 1905 г.г. поставил проблему пола. А вот в 1907—08 г.г., когда революция пошла на убыль, после поражеия пролетариата, когда

упадочные настроения стали проникать в среду пролетариата, когда начались упадочные настроения и среди мелкой буржуазии, тогда и в литературе и на поверхность жизни выплыли всякого рода половые вопросы. Тут мы видели, как иногда самые разнообразные оттенки общественных течений подхватывали эти настроения. Религиозно-философская литература пыталась доказать, что в половой психике преломляется чуть ли не весь пафос революционного настроения. Я хочу вам прочесть маленький отрывок из разговора Ленина с Кларой Цеткин по этому поводу. Клара Цеткин передает свои воспоминания, относящиеся приблизительно к 1919—1920 г.г.

«Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания, политического преподавания и просветительной работы. Я ушам своим не верил, когда услыхал это. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контр-революционерами всего мира. Положение в самой Германии требует величайшей сплоченности всех пролетарских революционных сил для отпора все более напирающей контр-революции. А активные коммунистки в это время разбирают вопросы пола и вопрос о формах брака в настоящем, прошлом и будущем! Они считают своим важнейшим долгом просвещать работницу в этой области. Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! То, что в ней есть правильного, рабочие уже давно читали у Бебеля. Только не в форме скучной дубовой схемы, как в брошюре, а в форме захватывающей агитации, полной нападок на буржуазное общество. Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто „научный" вид, но все это—кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир—созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола,—которые большею частью

являются гипотезами, притом часто произвольными,—вытекает из личных потребностей. Именно, из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов—вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места.

«— Можете ли вы мне дать серьезное заверение,—спрашивает Ленин, Клару Цеткин:—что во время чтения и дискуссий вопросы пола и брака рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма? Ведь это предполагает многостороннее глубокое знание, отчетливейшее марксистское овладевание огромнейшим материалом. Где у вас для этого сейчас силы? Если бы они были налицо, то не могло бы случиться, что брошюра, вроде упомянутой, использовалась бы в качестве учебного материала на вечерах чтения и дискуссий. Эту брошюру рекомендуют и распространяют, вместо того чтобы ее критиковать. К чему же приводит, в конце концов, это неудовлетворительное, немарксистское обсуждение вопроса? К тому, что вопросы пола и брака не воспринимаются, как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план, как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание работниц.

«— Кроме того, еще одно нелишнее замечание. Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Скажите, пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать работниц тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания. И, конечно,—в прошлом, настоящем, будущем и у различных народов. И это затем гордо именуют историческим материализмом. Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию.

Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами. Но сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы, чем формы брака у австралийских негров и внутрисемейные браки в древнем мире. В порядок дня германского пролетария история ставит попрежнему вопрос о советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате, налогах и многом другом. Короче, я остаюсь при своем мнении, что этот способ политического и социального просвещения работниц — неверен, совершенно неверен.

«Затем Владимир Ильич отметил, что если он относится несколько отрицательно к половым вопросам и высказывается о них насмешливо, то его называют филистером.

«— Знаю, знаю,—сказал он:—меня тоже в связи с этим достаточно подозревают в филистерстве. Но я к этому отношусь спокойно. Желторотые птенцы, едва вылупившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, не исправляясь. Юношеское движение тоже болеет современной постановкой вопросов пола и чрезмерным увлечением ими.

«Ленин сделал ироническое ударение на слове „современной", в то же время как будто отмахиваясь от него.

«— Как мне сообщили, вопросы пола также излюбленный предмет изучения в наших юношеских организациях. Говорят, что едва хватает докладчиков по этому вопросу. Это безобразие особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно... Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности. Вы должны бороться и против этого явления. У женского и юношеского движения ведь немало точек соприкосновения. Наши товарищи-коммунистки должны всюду вести планомерную совместную с молодежью работу. Это возвышает и переносит их из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской, индивидуалистической, домашней и семейной психологии. Но это между прочим.

«— У нас тоже значительная часть молодежи усердно занимается „ревизией буржуазного понимания и морали" в вопросах пола, и должен добавить, значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи. Дело обстоит так, как вы только что указывали. В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит и обязанностями личности, проводятся новые разграничения. Это — медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения.

«— Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчало зло и обостряет конфликты. Это—гнет „священной частной собственности". Она освящает продажность, низость, грязь. Условный обман „порядочного" буржуазного общества довершает остальное. Люди восстают против господствующей мерзости и извращения. И в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. Понятно, поставленное этим на очередь чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью. Это понятно. Ничего не

могло бы быть более ложного, чем начать проповедывать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали. Однако вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми».

Но нужно иметь в виду, что в этой постановке вопросов пола очень часто мы, действительно, не видим здорового, пролетарского, коммунистического подхода. Очень часто здесь мы имеем наличие прежних буржуазных отношений к женщине. Не буду уклоняться далеко в историю. Недавно в Харькове мне пришлось выступать на диспуте, где один из присутствующих священников предложил очень «остроумное», но совершенно невыполнимое решение полового вопроса: он советовал вернуться к матриархату, т.-е. господству такой формы семьи, где во главе стоит женщина. В аудитории тогда не нашлось достаточно сторонников такой теории. Не думаю, чтобы и присутствующие здесь согласились с ней. Здесь была попытка священника увильнуть от той постановки отношения к женщине, которая дана церковью.

ВЗГЛЯД ЦЕРКВИ НА ЖЕНЩИНУ.

Именно под влиянием того угнетенного положения женщины, в котором она находилась в течение веков, создались такие фразы, что «бабий волос долог, ум короток», «курица—не птица, а баба—не человек» и т. д. И очень часто даже некоторые из нашей пролетарской молодежи, связанные с крестьянством, иногда не очень далеко уходят от этого; а тут еще влияние церкви и притом очень сильное именно в этой области, оставившее очень глубокий след. Если взять не только христианство, а любую религию, то мы увидим, какой существовал взгляд на женщину. Каждый набожный еврей каждое утро молится богу: «благодарю тебя, господь бог мой, за то, что ты меня не сотворил рабом». А затем: «благодарю тебя, господь бог мой, за то, что ты не сотворил меня женщиной». Самое ужасное—родиться женщиной. Христианская церковь оставила нам в наследие такие характеристики женщины: «женщина есть сосуд

дьявола». Вы знаете, что один из вселенских соборов обсуждал вопрос о том, имеет ли женщина душу, так же, как мужчина. Кстати, замечу, что на одном из соборов обсуждался вопрос, какого пола ангелы: мужского или женского. Вопрос был решен в том смысле, что ангелы бесполые существа. Что касается вопроса о том, есть ли у женщины душа, то он был решен одним голосом в пользу того, что у женщины есть душа. Апостол Павел называет женщину «немощнейшим сосудом, сосудом скудельным». Апостол Павел заявляет, что «прежде был создан Адам, а потом Ева», и на этом основывается закрепощение женщины: «жены, повинуйтесь своим мужьям»; «жена да боится мужа своего»; «муж есть образ и слава бога, а жена есть слава мужа». Так сказать, жена сияет отраженным светом мужа.

Такие отцы церкви и столпы ее, как Тертуллиан и Фома Аквинский, называли женщину «вратами адовыми». «Женщина,—пишет святой Фома,—ты должна ходить с глазами, полными слез, и не забывать, что погубила род человеческий».

Зачем уходить так далеко, когда, например, в 1900 г. был издан учебник «закона божьего», в котором можно прочесть:

«Не теряйте ясного сознания, естественного и нравственного преимущества, какое имеет муж; вы должны иметь страх, чтобы чем-нибудь не оскорбить его. Но если бы иногда жена и превосходила мужа образованием, опытностью, то в таком случае, по свойственной ей скромности и по заповеди апостола, она должна относиться к мужу с уважением и почтением. Всеми мерами она должна заботиться о возможности услаждения жизни его, чему нам более служит покорность, соединенная с снисходительностью к недостаткам мужа» [1].

Я думаю, что этих выписок довольно. Если прибавить к этому, как относится к женщине магометанская вера, то букет этих отношений будет полон. В одном месте учитель магометанской веры дает такой совет: «если у тебя возникает в жизни какое-нибудь затруднение, то ты должен обратиться за разрешением вопроса к мулле, но если муллы нет,

---

[1] См. антирелигиозная работа среди женщин. Гиз. 1926 г. Статья М. Горева.

тогда к старейшинам данной местности. Если их нет, то обратись к соседу, к брату, к отцу. Если нет мужчины где-нибудь поблизости, тогда спроси женщину и сделай как раз обратное тому, что она тебе посоветует» (Смех).

Это вовсе не такой маленький факт—религия и религиозные организации. Они ведь строились на определенном фундаменте—рабских отношений женщины, подчиненное положение которой в период феодализма и в буржуазном обществе определялось экономическим положением женщины. В пролетарской среде это экономическое положение женщины изменяется. Женщина, сплошь и рядом вынуждена наравне с мужчиной и одинаково с ним работать у станка, работать на заводе. Чем больше их экономическое положение в этом отношении уравниваетсся, тем более уравнивается и правовое положение. Женщина, которая вместе с мужчиной стоит у станка, работает на фабрике и заводе, не может мириться и не хочет мириться с отношением к ней, как к низшему существу, как к существу, которое должно вечно покоряться, проявлять особое почтение и уважение и т. д. и т. д.

Но природа так устроила, что женщина выполняет ряд функций, которые ставят ее в особое положение.

СЕМЬЯ.

Деторождение, которое для многих миллионов женщин могло бы быть величайшей радостью, иногда становится для женщины источником величайших страданий.

Поэтому этот вопрос приобретает особую остроту. Что мы имели в период после Октября? Ломку не только политических форм. Мы имели бурный протест, как я уже указывал, против морали господствующих классов, которая навязывалась, как обязательная мораль, которая иногда запечатлевалась в своде законов, где женщина, по нашему законодательству, была подчинена мужчине. Он мог наказать плетьми свою жену, жена должна была следовать за своим мужем, куда бы он ни поехал, куда бы он ни пошел.

Вы знаете, как был затруднен развод для женщины. Для того, чтобы получить этот развод, она должна была пойти на величайшие нравственные унижения. Поэтому мы и имели

бурный протест против церковных браков. Не думайте, что это только был внешний протест, он идет с каждым днем все глубже и глубже, он проникает и в крестьянские отношения, где семья строится на иных началах, где она имеет под собой несколько иные экономические основы, чем в пролетарской среде.

КАК ЖЕ ПРОЛЕТАРИАТ ДОЛЖЕН СТРОИТЬ СЕМЕЙНЫЕ ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЧЕМ ОН ДОЛЖЕН ЗДЕСЬ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ?

Опять-таки основное, что мешает правильному разрешению этого вопроса—это те тягчайшие материальные условия, в которых рождается наш новый быт, в которых идет ломка старой семьи и создание новой. Какие черты новой семьи у нас намечаются? Если мы будем искать новое в быте, мы, прежде всего, остановимся на тех условиях, при которых женщина все более и более освобождается от непосредственных обязанностей по уходу за детьми, по питанию семьи и т. д. **Во-первых, здесь складывается такая форма семьи, где два товарища помогают друг другу делать большое общественное дело, строить социалистическое хозяйство. Они вместе участвуют в социалистическом накоплении. В этом коренное отличие новой семьи от всякой мелкобуржуазной семьи, которая создает материальное благополучие только для своей собственной семьи, тогда как в новой пролетарской семье мужчина и женщина одинаково участвуют в производстве, в социалистическом накоплении.** Во-вторых, в новой, пролетарской семье, **муж и жена одинаково участвуют в общественной работе, и этим они опять-таки отличаются от буржуазной семьи, где даже не только среди классов угнетенных, но и среди господствующих классов иногда считается, что женщина должна быть только «хранительницей семейного очага», должна быть «украшением дома», но только не общественной работницей.** Иное отношение складывается в пролетарской семье, где мужчина и женщина одинаково чувствуют себя членами нового общества и одинаково хотят участвовать и участвуют в общественной жизни. Целый ряд условий препятствует этому. Но пролетариат с ними борется и выбивается на путь такой семьи,

где оба члена семьи могут участвовать в общественной жизни.

Следующая—третья—особенность новой семьи—**общественное воспитание детей**, коммунистическое их воспитание, подготовка из них будущих коммунаров. Однако, пока дети у нас воспитываются в семье,—это не есть вполне новая семья.

Для того, чтобы мы действительно могли создать новую семью, нужно преодолеть целый ряд препятствий, и они заключаются, главным образом, в тяжелых материальных условиях. Как их преодолеть, как преодолеть, прежде всего, те трудности, которые встают перед молодежью? Вы знаете, как отрицательно относился Владимир Ильич к неомальтузианству. Он говорил, что ему внушает величайшее отвращение проповедь буржуазии мальтузианства по отношению к пролетериату. Буржуазия утверждала, что для пролетариата не приготовлено место за пиршественным столом жизни, и поэтому он должен постаратья иметь поменьше детей и должен пользоваться всякого рода искусственными средствами для того, чтобы у него детей не было. Между тем, аборты, как вы знаете, были запрещены и сейчас еще запрещены в целом ряде государств, при чем во многих случаях они караются жесточайшими законами.

Да, нам противно неомальтузианство, которое проповедуется во всех капиталистических странах, именно мелкой буржуазией, боящейся разделения своего имущества. Мы знаем, что оно, с другой стороны, усиленно проповедуется капиталистическими классами по отношению к рабочим, которым рекомендуется воздержание, так как капиталист знает, что рабочий требует в доле своего заработка, в заработной плате, не только средств для удовлетворения своих личных потребностей, но и на покрытие расходов, связанных с воспроизводством рабочей силы, на покрытие расходов по содержанию своей семьи. Поэтому буржуа заинтересован прежде всего в том, чтобы семья рабочего была возможно меньше, поэтому он охотно проповедует теорию неомальтузианства, против которой так резко выступал Ленин (См. его статью в «Правде» 1913 года, № 137 [341], «Рабочий класс и неомальтузианство»). Он со всей категоричностью заявил: «Мы—безусловные враги неомальту-

зианства. Это течение для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: „самим дай бог продержаться как-нибудь, а детей уж лучше не надобно"». И Владимир Ильич в 1913 году говорил о том, что «сознательные рабочие всегда будут вести беспощадную борьбу против попыток навязать такое реакционное, такое трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества». В другой статье, написанной значительно позднее («Пророческие слова». Собр. соч., т. XV, стр. 362), Ленин, говоря об отношении к рождающей женщине, снова возвращается к мещанским страхам, которые диктуют боязнь рождения ребенка.

«Возьмем,—пишет он,—описание акта родов в литературе, описания, когда целью автора было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «Радость жизни» или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли кто-нибудь признать человеком такого „индивидуума", который бы видел **только** это в любви, в ее последствиях превращения женщины в мать? Кто на **этом** основании зарекался бы от любви и от деторождения?»

Надо бороться против таких взглядов молодежи на деторождение. Мы должны были, конечно, отменить все те запреты, которые делали невозможным аборт или которые делали его наказуемым. Мы сделали это после определенной борьбы в наших собственных рядах в 1921 году. Во Франции новый закон 1923 года наказывает тюремным заключением на срок от 1—5 лет и штрафом от 500—10.000 франков тех, «кто производит или сделает попытку произвести посредством пищи, питья или какими-нибудь другими приемами насилия, или каким-нибудь иным способом выкидыш у беременной женщины с ее согласия или без такового». Сама женщина, которая согласится на аборт, подлежит тюремному заключению от 6 месяцев до двух лет и штрафу от 100 до 2.000 франков. «Подлежат также наказанию врачи, фельдшера и другие лица, которые помогают или сами производят выкидыш». Германский закон наказывает «беременную, умы-

шленно вытравливающую плод или убивающую его в своей утробе», тюрьмой сроком до 5 лет и не ниже 6 месяцев. «А также наказанию подлежат те, которые в этом принимали участие, и те, что продавал средства для аборта, наказываются десятью годами каторги». Итальянский закон наказывает женщину за аборт тюрьмой от года до четырех лет, а того, кто производил аборт с ее согласия, от 30 месяцев до 5 лет и больше. Закон в Англии наказывает каждую беременную женщину, «если она с целью вызвать у себя выкидыш принимает противозаконные яды или вообще какое-нибудь вредное вещество, или же прибегает к помощи какого-нибудь инструмента... с целью вызвать выкидыш у женщины, будь это беременность действительная или мнимая... а также все те лица, которые в этом окажут содействие подлежат по приговору суда наказанию каторжными работами или на срок не меньше трет лет, или тюремному заключению на срок не выше двух лет с применением принудительных работ».

А какие результаты от применения этих свирепых законов? Если сравнить с СССР, где аборт легализирован, Германию, где аборт нелегализирован, запрещен законом, то мы, приблизительно, имеем, по вычислениям профессоров Бума и Линденмана, на 2.000 родившихся в Германии около 500 абортов, из них 90%, подлежащих судебному наказанию. В одном Париже ежегодно совершается, по словам статистика Бертильона, 50.000 искусственных абортов; другой статистик, Мони, считает эту цифру вдвое. Совершенно ясно, что никакие запреты не могут уничтожить аборт, раз рабочий класс находится в таких трудных условиях, когда он не может взять на себя заботы по воспитанию всех рождающихся детей. Запрещение абортов, то обстоятельство, что рабочий класс в таких странах вынужден делать их подпольными средствами, иногда в самых невероятных, антисанитарных условиях, ведет к жесточайшим заболеваниям. Так, в Германии до 7.000 женщин ежегодно умирают при подпольном аборте от заражения крови в цветущем возрасте, по данным Гансберга и Гротьяна, тогда как случаи таких смертей при регистрации абортов значительно ниже. (Все эти данные взяты из брошюры А. Б. Генса «Об аборте в СССР». Изд. Охраны материнства и младенчества, 1926 г.).

Достаточно взглянуть на статистику женщин, которые делают аборт, чтобы понять **социальные причины** этих абортов. Здесь на первом месте **жены служащих и жены рабочих, наименее обеспеченные,** во-вторых, **нерегистрированные браки.** На первом месте здесь, конечно, **недостаток материальных средств.** По крайней мере, установлено **не менее 44% таких случаев,** когда недостаток материальных средств толкает к аборту. «Мы почти не наблюдаем резкого роста абортов за последние два года». С другой стороны, мы видим за последнее время значительное понижение числа подкидышей. До революции, когда аборт был запрещен, женщины, не имевшие возможности воспитать ребенка, просто-напросто бросали его на улицу. **Неверно было бы думать, что аборты начались только с революции.** Статистика показывает, что **рост числа абортов связан с началом мировой войны.** Однако, аборт вовсе не является таким спасительным средством, которое мы рекомендуем нашей молодежи. Наоборот, мы знаем, какое разрушающее действие производит он, особенно в молодых организмах. Мы решительно должны бороться против такого довольно распространенного эксплуататорского отношения к женщине, которую рассматривают исключительно, как орудие наслаждений, и заставляют делать аборты, чтобы просто-напросто избавиться от неприятных последствий половых сношений.

Вместе с тем, условия, в которых жили массы пролетарских и крестьянских женщин, вели неизбежно к массовой проституции, которая даже в самых богатых капиталистических странах приобретает величайшие размеры. Вы можете сказать, что проституция есть, ведь, и в советской стране. Да, есть, и именно потому, что у нас еще существуют различные классы в том числе и буржуазия, потому что пролетариат еще недостаточно обеспечен, потому что мы недостаточно накопили средств, не разрешили еще жилищного вопроса, не построили достаточного количества детских домов, домов матери и ребенка и т. п. Вот почему у нас есть проституция. Но когда нам поставят такой вопрос: **можно ли в капиталистическом обществе уничтожить проституцию, мы говорим — нет,** потому что в капиталистическом обществе растет противоречие классовых интересов. На одном полюсе все больше и больше накапливается величайшее богатство

в то время, как на другом полюсе накапливается величайшая нищета, толкающая на путь проституции. А в том переходном периоде, который имеет место у нас, есть просвет, есть надежда на то, что мы с этим злом справимся. Мы можем с уверенностью сказать: «Да, мы рано или поздно уничтожим это зло». Почему?—Потому, что все наше законодательство направлено к охране интересов матери и ребенка. Все общество заинтересовано в том, чтобы пролетариат у нас находился в лучших условиях, а не в худших. Все общество заинтересовано в том, чтобы благосостояние пролетариата поднималось в первую очередь. Этот переходный период характеризуется недостатком материальных средств, но материальные средства увеличиваются, и, когда их будет достаточно, тогда вопрос будет разрешен таким образом, что основа проституции—необходимость продавать свое тело—исчезнет.

ОБ АСКЕТИЗМЕ, ВОЗДЕРЖАНИИ И ПОЛОВОЙ РАСПУЩЕННОСТИ.

«Мы не собираемся проповедывать монашеский аскетизм, но вместе с тем в нас возбуждает величайшую тревогу известная половая распущенность, которая есть даже среди части коммунистов, и в особенности среди молодежи. Когда мы говорим о молодежи, мы вовсе не подходим к ней так, что мы, мол, вам советуем жить монашеской жизнью. По этому поводу нам иногда говорили:

«„Конечно, вы подходите иначе к этому вопросу: когда достигнете 40—50 лет, тогда вы начинаете проповедывать половое воздержание; а вот попробуйте в наши годы". Я на это неоднократно отвечал товарищам: мы пробовали, мы сидели по несколько лет в тюрьмах, лет по 8—9 и больше. Нам волей-неволей приходилось воздерживаться. Только незнание, непонимание самых основных истин гигиены приводит молодежь к представлению о том, будто воздержание вредно. На этом я хочу остановиться несколько подробнее».

Владимир Ильич как-то в разговоре с Кларой Цеткин указывал на теорию так наз. «Стакана воды».

«Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, „принципиально" и ссылается на тео-

рию. Многие называют свою позицию „революционной" и „коммунистической". Они искренно думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая „новая половая жизнь" молодежи—а часто и взрослых—довольно часто кажется чисто-буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды" наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Она стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта—марксистская. Спасибо за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

«Я считаю знаменитую теорию „стакана воды" совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в „Происхождении семьи" указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась. Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью, мысленно выделенной физиологическим анализом. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно! Жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды—дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь

кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

«Как коммунист я не питаю ни малейшей симпатии к теории „стакана воды", хотя бы на ней и красовалась этикетка „освобожденная любовь". Вдобавок она и не нова и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедывалась в изящной литературе примерно в середине прошлого века как „эмансипация сердца". В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время была талантливее, чем сейчас, как обстоит дело с практикой, не могу судить.

«Не то, чтобы я своей критикой хотел проповедывать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно.

«Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт—гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно! Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого использования жизни. В здоровом теле здоровый дух! Ни монах, ни Дон-Жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища XYZ. Прекрасный, высокоодаренный юноша. Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет это не вяжется с революцией».

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

«Революция требует сосредоточения, напряжения сил. От масс, от личности. Она не терпит оргиастических состояний вроде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио. Несдержанность в половой жизни—буржуазна; она—признак разложения. Пролетариат—восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз—ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина—не рабство; они необходимы и в любви».

Вот только с этой точки зрения мы и подходим к этому вопросу. Очень часто молодежь забывает про то, что здесь это вовсе не индивидуальный акт, что мы не можем подходить к вопросу об отношении к женщине, как к личному делу. Это есть явление социальное, потому что зарождается третье существо, которое, при отсутствии нормальных условий для его воспитания, ляжет всей тяжестью на ребенка, на мать, станет увеличивать социальное зло. Пройти мимо этого нельзя. При легкомысленном отношении к этому вопросу—что мы имеем? Имеем тягчайшее положение женщины, на которую прежде всего ложится материнское бремя. Говорят, например: ты можешь не иметь ребенка, ты можешь сделать аборт. Когда девушка 16—17 лет, первородящая, делает аборт, она наверняка себя калечит, а так как после этого аборта нужно делать новый аборт, а там и следующий, то к 23—24 годам она, уже искалечив себя 3—4 раза где-нибудь в родильном доме, становится неврастеничкой и больным человеком. Она делается, видите ли, «неинтересной», и потому ее нужно переменить. Это — социально вредно, это—социально опасно.

Мы говорим о том, что эти стремления возникают в такой опасный молодой период, когда идет усиленный рост половых желез, когда идет обогащение нервных тканей, когда идет рост и увеличение всего человеческого тела. Молодежи нет дела до законов природы, до того, на что пред-

назначены элементы внутренней половой секреции, что это — элементы крайне важные для всей нашей нервной системы; и так как удовлетворение половых потребностей является в раннем возрасте наиболее приятной и легкой тратой нервной энергии, так как это есть линия наименьшего сопротивления, то по этому пути и идет растрата чрезвычайно ценной нервной энергии; а для мозговой работы, для огромной борьбы, которая предстоит молодому поколению, которое должно, по нашему мнению, достроить коммунизм, — что остается? Иногда в 25 лет можно встретить истасканную молодежь, которая нуждается в домах отдыха, в санаториях и т. д., потому что она прошла такую жизнь, которая привела ее к истощению сил.

Повторяю, к этому вопросу мы подходим исключительно с точки зрения социальных последствий, социальной гигиены, вовсе не с точки зрения морали по отношению к мужчине или женщине: мол, вы слишком увлекаетесь, это не хорошо, неприлично и некрасиво. Ничего подобного. Именно, в интересах охраны здоровья молодежи, в интересах того, чтобы вырастить более здоровое поколение во всех отношениях, мы говорим о половой, социальной гигиене. В интересах матери, в интересах ребенка, в интересах пролетарского класса, потому что в других классах это дело решается гораздо проще. Мы должны сопоставить эти вопросы вместе.

Мы могли бы указать ряд теорий, идущих из чуждых пролетариату классов. Ленин указывает на теорию «Стакана воды».

Недавно в одном из южных городов кружок молодежи собирался, читал доклады о марксизме и искусстве; там принимал участие даже один профессор, который распространял среди молодежи такое понятие, что марксизм не прав, когда он учит, что сознание человека определяется бытием, а прав Оскар Уайльд, что сознание определяется эротикой. Эротика, видите ли, определяет сознание.

Или, например, теория о том, что «женщина есть поле для обсеменения, для оплодотворения, и мужчина является только обсеменителем», разве это учение пролетариата? То же самое и теория, что «все вещи изнашиваются, в том числе и женщины». Откуда она взялась? Это есть теория бур-

жуазного общества, а иногда она прививается и нашей молодежи, при чем некоторые даже считают «шиком» исповедывать подобные теории. А возьмем, например, «любовь трудовых пчел», которую проповедуют даже отдельные коммунисты. Ведь это вовсе не пролетарская теория для нашего периода, где воспитание каждого ребенка есть величайшая трудность. Эта теория тоже взята из буржуазного общества, где она была придумана для золотой буржуазной молодежи. Ей позволительно не знать естествознания и думать, что любовь трудовых пчел есть любовь двух трудовых индивидуумов. А ведь среди пчел как раз те, которые гоняются за матками, являются трутнями. Конечно, для трутня-пчелы такая теория—перелетание с цветка на цветок—чрезвычайно привлекательна, но не для пролетариата, который должен взять на себя задачу воспитания нового поколения. Больше того, мы знаем, что отдельные товарищи, например, Преображенский, называют филистерскими, мещанскими, семейные отношения Маркса, отношения, проникнутые величайшей нежностью, величайшей преданностью. Когда я думаю об этом, мне вспоминается также отношение Чернышевского к его жене, которое он так хорошо описал в романе «Пролог к прологу». То же относится и к Владимиру Ильичу: и если уж избирать примеры, то я думаю, что лучше учиться у Маркса, у Чернышевского и у Ленина, чем учиться хотя бы у т. Коллонтай.

В чем же мы видим разрешение этого вопроса? Я уже сказал, что мы подразумеваем под новой семьей. Но для того, чтобы эту новую семью построить, повторяю, нужен целый ряд условий, облегчающих положение женщины. Ни в одной стране нет законов, которые бы так освобождали женщину, как законы нашей страны, и в этом отношении (я говорю это не только потому, что я — коммунист, — я мог бы сослаться на целый ряд серьезных научных произведений наших классовых врагов) буржуазные писатели Западной Европы должны были признать, что нигде нет такого совершенного законодательства по отношению к женщине, как у нас. Но одно дело — написать хороший закон, а другое дело — создать фактические условия для того, чтобы эти законы могли быть проведены в жизнь. И тут мы должны

прямо сказать, что без радикальной перестройки всего нашего хозяйства мы этот вопрос правильно не разрешим.

О жилищном вопросе я уже говорил и старался наметить, какие вытекают последствия для женщины из того или иного его решения. Прежде всего надо снять с женщины заботу о питании семьи. В этом отношении мы имеем работу Нарпита. У меня есть последние отчеты Нарпита, и я дам суммарные цифры относительно количества столовых и количества людей, обслуживаемых ими: по данным на 1 ноября 1925 года мы имеем по Москве средний фактический отпуск обедов в день—20.000. По Ленинграду—49.000, по провинции—67.000. И всего 137.000 обедов, отпущенных в день. А пропускная способность столовых Нарпита—511.000, т.-е., около полумиллиона. Это конечно, еще **ничтожная** цифра, и работу нужно двигать все дальше и дальше вперед. Мы имеем около 150.000 семейств, освобожденных от необходимости готовить обед, т.-е. мы имеем 150.000 женщин, которые освобождают себя либо для работы на фабрике, либо для общественной работы.

В этом отношении интересен опыт Иваново-Вознесенска. Начали еще недавно с отпуска 400 обедов в день, теперь дошли до 5.000 обедов. Всего за последний (1925—1926) год отпущено 1.300.000 обедов, при чем 71% обедов отпущено рабочим, 17% служащим и 12%—учащимся. Привожу отзывы работниц, напечатанные в «Комс. Правде» № 90 (273) в ст. А. Н. Чарова, взятые из Иваново-Вознесенской газеты «Рабочий Край»:

«Вот столовая „Новый быт". Сначала в ней обедало 300 человек, теперь—1.200. В среднем, столовая пропускает ежедневно 800—900 обедов. Довольны ли рабочие работой столовой?

«— **Я живу на рабочем поселке,**—говорит работница Ненастьева:—**но часто бегу сюда, несмотря на то, что есть своя плита;** дома измучаешься, а здесь как-то отдыхаешь. Хорошая посуда, чистые столы, скатерти, забываешься от семейной суеты. **Нарпит в нашей рабочей жизни большое достижение.**

«Мокеева, работница 65 лет: „Хожу я в свою столовую каждый день почти. **Что и говорить, Нарпит куда как хорошее заведение, в особенности для одиночек**. Только надо пра-

вду сказать, для рабочих с малым жалованьем обеды дороговаты. Да еще плоховато первое блюдо: мясо бывает не проварено, а суп—пуст".

«Работница Беляева столовой довольна, ее пожелания столовой просты и в полной мере выполнимы:

«— **Я хожу в Нарпит почти каждый день,** примерилась ко всему и скажу определенно: **Нарпит—большое достижение рабочих, ругать его не стоит,** только надо пожелать, чтобы он еще лучше стал, а мои пожелания заключаются в том, чтобы суп был всегда горячий, чтобы первое улучшить, а то однообразно и жидко. Чтобы хлеба выдавали по-старому, т.-е. по фунту, а то в связи с урезыванием пайка на четверть фунта рабочие не наедаются и недовольны.

«Заведующая Петришевской столовой Белянкина в первую очередь обращает внимание на хорошее отношение рабочих к столовой:

«— **Что отрадно в столовой, так это—хорошее отношение рабочих.** Рабочие очень бережно относятся к инвентарю. На скатертях и столах нет ни одной помарки. Если кто „ломается" на стуле (сидит на одной ножке), то сосед сразу обрежет: „Брось дурака валять!".

«Если мы возьмем наши учреждения, которые заботятся об **общественном воспитании детей,** то и здесь мы имеем сравнительно ничтожные цифры. На них я подробно останавливаться не буду, но должен сказать, что сейчас мы имеем в кассах взаимопомощи матерей обеспеченными всего 10% женского населения (правда, городского населения). Это большой шаг вперед, но далеко еще не то, что нам нужно в деле действительного освобождения женщины. Если взять ясли, то в отношении ко всем женщинам, которые нуждаются в воспитании детей, из каждых 100 рождающихся детей только трое могут попасть в ясли, остальные же 97 должны воспитывать индивидуально. Конечно, это шаг вперед, но только **маленький шаг** пока.

«Я прочитаю маленький отрывок из ст. Ленина „Великий почин", где он указывал на то, что иногда мы слишком много говорим, чем делаем.

«Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала в этом отно-

шении и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.,—законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем **чище** очистили мы почву от хлама старых, буржуазных законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

«Женщина продолжает оставаться **домашней рабыней,** несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает **мелкое домашнее** хозяйство, приковывает ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительной, мелочной, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее **освобождение женщины,** настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, **массовая перестройка** его в крупное социалистическое хозяйство.

«Достаточное ли внимание уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к **росткам** коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады—вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые **на деле** способны **освободить женщину,** на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, что особенно важно, либо **торгашескими** предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо „акро-

батством буржуазной благотворительности", которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

«Нет сомнений, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они **начинают** менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, **организаторских талантов**, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, схемах и т. п., чем „болеет". постоянно мнящая о себе непомерно много „интеллигенция" или скороспелые „коммунисты". Но мы **не ухаживаем**, как следует, за этими ростками нового» [1].

Товарищи, этот пример, который Владимир Ильич дал несколько лет тому наазд, целиком относится к нашим дням. Действительно, к обстановке нового будущего, нового быта до сих пор мы относимся невнимательно и небрежно. В эту сторону мы обращаем слишком мало внимания. Без этой стороны дела мы вряд ли многое можем сделать.

УТОПИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ.

У некоторых товарищей под влиянием этих трудностей рождаются утопические планы. Таким планом мы считаем предложение т. Коллонтай установить налог на всех мужчин, в особенности на холостяков, приблизительно по 2 рубля в год. Рассчитывая, что мы имеем 50—60 миллионов взрослых мужчин, мы соберем таким образом 100.000.000 р. на обеспечение детей. Выходит так, что в год рождается 5.000.000 детей, из них 1.000.000 нуждается в социальной помощи. Допустим, что этот расчет верен, что один миллион нуждается в социальной помощи, но разве ребенок в ней нуждается только тогда, когда рождается, а когда ему год, два, три, четыре и т. д. разве он не нуждается уже больше? Таким образом, забота будет не об одном миллионе, а с каждым годом этот миллион будет все более и более возрастать. И если даже не все дети будут выживать, мы будем

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVI, ГИЗ, ст. «Великий почин», стр. 256—257.

иметь больше 10 миллионов призреваемых в самый короткий срок.

Она рассуждает так, что предположим, что для каждого ребенка нужно 10 рублей. Кто доказал, что на 10 рублей можно обеспечить воспитание детей? Только тот, кто не воспитывал сам ребенка. Тот, кто воспитывает ребенка, знает, как трудно воспитать его на 10 рублей. С этой стороны план является фантастическим и утопическим; а потом, если мы подойдем с этим планом к крестьянству, то оно скажет: у нас такая крепкая семья, что у нас нет почти беспризорных детей. Мы своих детей воспитываем в семье, не желаем платить за то, что вы в городе имеете беспризорных детей, не желаем их воспитывать.

Не напоминает ли этот план проект одного чудака, который говорил, как легко разбогатеть и как легко сделаться миллионером. Надо купить миллион пудов пшеницы по рублю, а продать по два рубля. Откуда же взять 100.000.000 рублей? Это так же трудно, как купить миллион пудов пшеницы, не имея в кармане ни гроша. Крестьянство не даст, и оно будет право. С этой стороны, со стороны того, что здесь совершенно нет учета крестьянства, нет учета того, что трудности здесь гораздо больше, этот проект не состоятелен. Выдвигают также проект брачно-хозяйственных договоров, которые в крестьянском быту могут иметь известное значение. И опять-таки забывают, что при заключении брачно-хозяйственных договоров в договор вступают две стороны: одна из богатой семьи, а другая—из бедной. Женщина, выходящая из бедной семьи в богатую, делает это под экономическим давлением. И когда мы хотим поставить вопрос о том, можем ли мы обещать быстрое и легкое разрешение вопроса без упорнейшего труда над социалистическим накоплением, мы должны ответить—нет. Без упорнейшего труда над социалистическим накоплением этот вопрос разрешить нельзя.

О РЕЛИГИИ.

Я перехожу к одной стороне нашего быта, к вопросу о религии. Прежде всего, если говорить о пролетариате, то мы имеем в лице пролетариата не только в нашей стране, но

и во всех странах класс наиболее легко освобождающийся от религии. Безбожие пролетариата не только черта русского пролетариата, но также пролетариата и других стран. За последнее время создался довольно многочисленный союз пролетарских свободомыслящих в Западной Европе. Он имеет отделения решительно во всех странах Западной Европы. В него входят не только коммунисты, но и социал-демократы и беспартийные рабочие и работницы. А между тем, мы знаем, что во всех этих странах капиталистические организации тратят колоссальные средства на то, чтобы удержать пролетариат в состоянии религиозности. Вероятно, всем или многим из вас знакомо известное изречение Вильгельма: «Женщина должна знать кухню, ребенка и церковь», т.-е. женщина должна считать своим идеалом эту узкую область, дальше которой ей итти некуда. И пролетариату тоже отводилось определенное стойло в этом «благоустроенном» капиталистическом обществе, куда его загоняли не только пушками и пулеметами, когда он возмущался, но также и христианством и другими религиями.

Религия наложила очень глубокий отпечаток на всю общественную жизнь, а не только на жизнь крестьянства. Крестьянство наиболее религиозно, но и пролетариат еще сильно связан с крестьянской религией. Чем питается сейчас религиозность пролетариата? С одной стороны, она питается тем, что он недостаточно освободился от гнета неблагоприятных для него социальных условий, а с другой стороны, тем, что пролетариат связан с крестьянством, которое еще очень сильно находится под влиянием религии. Существует прямая зависимость между бытом рабочего, его культурой и его религиозностью. Это доказало обследование, которое было произведено по целому ряду фабрик и заводов Струмилиным. На основании материалов обследования вышла книга «Рабочий быт в цифрах». Струмилин берет бюджет времени рабочей семьи и оказывается, что члены рабочей семьи (обследование производилось в Иваново-Вознесенске) в среднем тратят в течение месяца около 4,7 часа на исполнение церковных обрядов: хождение в церковь, молитва и проч. Но квалифицированный рабочий тратит на это полтора часа, мало квалифицированный тратит 2,1 часа, а совсем не квалифицированный рабочий тратит 2,8 часа. Женщина тра-

тит гораздо больше времени. Доказано, что женщина более религиозна. Почему?—потому что женщина находится в гораздо более угнетенном положении. Она еще не так освободилась, как мужчина, и это идет на пользу религии. Конечно, сейчас мы имеем факторы, оказывающие величайшее влияние на быт рабочей семьи,—например, Коммунистическую Партию. Возьмем, хотя бы Москву, по крайней мере на каждые десять человек, которые вам встречаются,—один коммунист или комсомолец, значит в городах их уже не так мало, и здесь эта сила имеет большое влияние. Нужно учесть тикже и пионеров. И пионеры, и комсомольцы, и коммунисты ведут борьбу с религиозностью в рабочей среде.

Попутно я хотел бы сказать два слова о методах борьбы с религией. Все знают, что я не привержен к религии. В течение довольно долгого времени я веду активную антирелигиозную пропаганду, но я считаю величайшим вредом часто практикуемый у нас наскок на членов семьи в смысле религиозности, когда, например, пионер, или комсомолец или коммунист считает, что если он сам не верит, а его мать, сестра, брат или отец верующие,—то все они должны подчиняться его безбожной диктатуре. Конечно, всякий комсомолец может и должен вести борьбу с религией. Он должен об'яснять, в чем ее вред, но иногда он вместо этого просто берет и выкидывает из дома икону. Такими путями освободить женщину от религиозных воззрений нельзя. Можно вогнать вглубь религиозное чувство, сделать его более фанатичным. Женщина будет плакать и молиться богу после ухода мужа из дому.

На эту сторону дела я хотел обратить ваше внимание потому, что если мы хотим освободить верующих членов семьи от религии, — это можно сделать только убеждением, доказательством, но отнюдь не такого рода наскоком, насилием. Надо сказать, что во многих семьях, даже без всяких насильственных мер, совершенно исчезает религиозность. Здесь мы уже имеем новый быт, который не нуждается ни в один из моментов своей жизни в каких-нибудь религиозных нормах. До сих пор всякого рода религии обещали пролетариату за все его страдания всевозможные награды в загробной жизни. Нам в школе рассказывали историю про бедного Лазаря, который в жизни бедствовал и мучился, а после

смерти попал в царство небесное. Такими сказочками о том, что будет хорошо на том свете, если мы здесь страдаем, нас пытались примирить с тяжелой обстановкой жизни. Разве это есть мораль пролетариата? Нет, это есть мораль, враждебная пролетариату, как классу трудящемуся. Поэтому пролетариат не может построить социализм, не освободившись от религии, которая является путами, гирями, стесняющими движение пролетариата вперед.

Я уже говорил о том, что религия пыталась наложить свою лапу решительно на все стороны жизни. Я прочту вам выдержки из «Истории русской церкви» проф. Голубинского, человека, чуждого коммунистам.

Он рассказывает:

«Кирик спрашивал епископа Нифонта: вступившие в брак могут ли совокупляться в ночь, следующую после брака, так как они причащались при совершении брака. Нифонт отвечал, что могут, ибо — говорит — святые отцы, которые велят им причащаться (при браке), могли бы написать и запрещение, если бы находили его нужным. Митр. Георгий предписывает воздерживаться супругам друг от друга во весь Великий пост, а если не могут, то, по крайней мере, первую и последнюю недели. Но Нифонт у Кирика восстает против строгости этого предписания и говорит, что они должны воздерживаться только в одну неделю Пасхи, в которой все дни, как воскресенье. При этом Нифонт строго осуждает тех, которые считают должным отказывать в причастии супругам, не воздержавшимся в Великий пост.

«Затем митр. Георгий предписывает воздерживаться от сношения в пятницу, в субботу и воскресенье, в господские праздники и нарочитых святых. **О детях, зачатых в пятницу, субботу и воскресенье, он говорит, что они будут или татями, или разбойниками, или блудниками»** и т. д.

Конечно, это чуждо пролетариату. Пролетариат освобождает семью, семейные отношения, отношения между мужем и женой, между отцами и детьми от религиозного гнета.

Конечно, отрицание пролетариатом религии создает в его быту некоторый пробел. Религия освящала каждый шаг его жизни, рождение, брак, праздники и т. п. какими-нибудь

обрядами, пышностью, «таинствами», пением, торжественной обстановкой. Нет ничего незаконного в том, что пролетариат пытается в своем новом быту отметить каждый такой шаг по-новому. Отсюда—красные октябрины, отсюда—гражданские похороны. На Ваганьковском кладбище можно видеть довольно странный памятник, который является символом перехода **от религии к коммунизму.** На могиле стоит скромный деревянный крест, выкрашенный в красную краску и на кресте—красное знамя. Рабочая семья, похоронившая там близкого, сделала только один шаг от религии к социализму. Для того, чтобы мы и в этом отношении произвели гораздо более глубокие перемены, нам нужно еще бороться и в нашей собственной среде со всякого рода попытками превратить все эти моменты в регламентированные обряды. Если мы накопим достаточно средств, чтобы заменить теперешние кладбища крематориями, где трупы будут сжигаться, это произведет определенный поворот в сознании отсталых слоев пролетариата. Однако, еще на значительный период останутся, вероятно, пережитки разных обрядов, когда-то связанных с религиозностью, теперь облекающиеся в революционную оболочку. Мы не сторонники того, чтобы эти обряды увековечивать, и не думаем, что они являются обрядами более прочными, чем переходный период.

Что отличает пролетариат от мелкой буржуазии, мещанской и крестьянской? Это то, что **пролетариат, становясь безбожным, не ищет уже утешения в религии.** Он—строитель гигантских городов, мощных технических сооружений; он—бросивший снопы электрического света в глухой, темный деревенский простор; он—прорезавший пространство моторами стальных птиц, гигантскими кораблями; он — перестраивающий весь мир — обретает уверенность в своих собственных силах и в уничтожении религиозных учений. Он смел и сметает те силы, орудиями которых была и является религия. Он перестраивает мир. Ему чуждо учение религии, будто мир непознаваем до конца, будто сознание человеческое бессильно перед тайнами мира, перед тайнами природы. Он вырывает ответ на эти тайны силой коллективного труда, овладевая знаниями, овладевая техникой. Он становится безбожнее с каждым шагом к социализму. **Он создает новый безрелигиозный, безбожный быт.**

О РАВЕНСТВЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОМ ТРУДЕ.

Одним из вопросов, которые волнуют подчас передовых рабочих, с одной стороны, а, с другой стороны, дают почву для всякого рода демагогии в отсталых слоях пролетариата и отчасти среди крестьянства, является **материальное неравенство** в рабочем быту. На материальном неравенстве нередко пытались сыграть контр-революционеры. Но и в нашей собственной среде нередко это материальное неравенство вызывало и вызывает разговоры о «верхах» и «низах». Однако, если серьезно поставить вопрос о неравенстве, как его ставил не однажды Владимир Ильич, то он сводится, прежде всего, к тому, что **для устранения его надо уничтожить самую основную причину существования неравенства, уничтожить самые классы.** Мы все понимаем, что этого нельзя ни декретировать ни достигнуть в короткий срок. В статье «Великий Почин», посвященной коммунистическим субботникам и воскресникам, Ленин (Собр. соч., т. VI, стр. 249—250) писал: «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков, капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще **всякую** частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и умственного труда. Это—дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками».

Мы переживаем сейчас период нэпа и мы знаем, что этот период не на сегодняшний день, а «всерьез и надолго», что он есть тот **обходный** путь к социализму, по которому мы двигаемся, хотя и медленно, но так, что втягиваем в движение отсталые и пролетарские и деревенские массы, путем, хотя и медленного, социалистического накопления, путем подведения новой технической базы под все наше социалистическое производство в городе и в деревне, путем коопе-

рации, путем организации вокруг пролетариата и с помощью пролетариата деревенской бедноты и середняцкой массы, путем соревнования и борьбы с частным капиталом в городе и в деревне, путем борьбы с кулачеством.

Совершенно ясно, что в этой борьбе пролетариат, как класс, играет особую роль. В этой же статье у Ленина мы читаем: «Предполагать, что все „трудящиеся" одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, до-марксовского социалиста, ибо эта способность не дана сама собою, а вырастает исторически и вырастает **только** из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути капитализма к социализму, **только** пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он—самый сильный и самый передовой класс цивилизованного общества, во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в-третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, вроде России, большинство населения принадлежит к пролетариям или полупролетариям, то-есть к людям, постоянно проводившим часть года по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях».

Значит, **основное неравенство, которое у нас существует и из которого вытекают различные виды неравенства, заключается в том, что у нас два основных класса и, кроме того, существует еще новая буржуазия, и при том пролетариат играет исключительную роль, которая ставит его в неравное положение по отношению к другим классам.** Можно ли ставить при таких условиях вопрос о равенстве всех трудящихся? Конечно, такая постановка была бы демагогической, совершенно неправильной.

«Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму,—писал Ленин:—исходя из общих фраз о свободе, о равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского желтого Интернационала), те только обнаруживают этим свою природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за

буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, при чем эти отношения складываются не в фантастически гармоничной „идеальной" обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии».

И в других своих статьях, например, в статье «О равенстве, свободах печати и критике», Ленин писал, что «мы признаем только такое равенство, которое не противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала». «Равенство между рабочими и крестьянами,—писал он,—нам преподносят защитники интересов трудового крестьянина, это, большею частью, эс-эры. Другие, как гражданин Шер, они учились марксизму и все же не понимают, что равенства между рабочим и крестьянином на время переходное от капитализма к социализму быть не может, и тех, кто его обещает, надо признать развивающими программу Колчака, хотя бы они этого не понимали. Я утверждаю, что всякий, кто подумает над конкретными условиями страны, особенно совершенно разоренной страны, тот это поймет».

Слово «диктатура пролетариата»—слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, не понимал, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского на народные современные языки, теперь мы доказали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие сами и говорят: «Наша организация выше всего: ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеет права участвовать в этой организации. Эта организация вся направлена к одной цели—к ниспровержению капитализма. Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами в роде „свободы", „равенства" нас не обманешь. Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала».

Однако, скажет кто-нибудь: вы и Ленин говорите о разных вопросах. Мы признаем, что при наличии классов существует **классовое неравенство**; но **внутри одного-то класса**

может же быть равенство! Разве это не требование пролетарской массы, чтобы установить такое равенство? Да, наша задача заключается в том, чтобы такое равенство **установить.** Вот именно **то, что мы боремся за социализм, это и есть, в конечном счете, борьба за достижение такого равенства.** А сейчас, когда значительные слои пролетариата питаются еще крестьянскими мелко-собственническими настроениями, когда у значительных слоев пролетариата еще нет отчетливого классового сознания общности личных интересов с интересами пролетариата, с задачами социалистического строительства,—к чему повело бы установление такого равенства? Оно повело бы к тому, что мало сознательные пролетарии или люди только что пришедшие к станку, нисколько не заинтересованные в том, чтобы поднять производительность труда, создать мощную, исключительную, революционную социалистическую трудовую дисциплину, заботились бы только о том, чтобы кое-как отработать восьмичасовой день и ложились бы всей тяжестью на плечи авангарда пролетариата, тех пролетариев, которые считают дело социалистического хозяйства своим собственным делом, тех, которые действительно поднимают производительность труда. Ведь мы имели достаточно печальный опыт такого хозяйства, и в сельско-хозяйственных коммунах, и на фабриках, и на заводах, когда рабочие квалифицированные не видели никакой разницы между оценкой своего труда и труда какого-нибудь бездельника, который шатался по курилкам или занимался выделкой зажигалок и сковородок для спекуляции.

Или взять хотя бы тот же жилищный вопрос. Разве в современном состоянии можем мы решить вопрос о равенстве при наличии тех жилищных условий, в каких мы живем?

Ведь для этого требуется целая **революция в жилищном строительстве;** для этого требуются построенные специально дома коммуны или городки для рабочих, в которых каждый чувствовал бы себя действительно равным с другими. А разве в современных жилищах это мыслимо? это возможно? Разве мы не знаем невероятную склоку, борьбу, грызню, доходящую иногда до вооруженных столкновений между обитателями квартир из-за дележа жилищной площади? Слишком просторно простроились собственники до

революции, до нас, в жалкие, грязные, вонючие углы загнали рабочий класс. А теперь перестроить это так, чтобы каждый чувствовал себя равным, разве это легко? Разве это возможно без огромных, накопленных самим пролетариатом средств, без социалистического накопления?

Конечно, неравенство питается не только из этих источников; но основное заключается именно в том, что в этот переходный период мы имеем еще разные классы, и социалистический пролетариат не накопил еще достаточных средств для того, чтобы материально обеспечить в смысле обстановки, жилища, одежды и обуви, пользования клубами, театрами и другими развлечениями, пользования школами, университетами, всех, кто в этом нуждается.

Чем больше будет социалистическое накопление; чем культурнее, квалифицированнее станут все рабочие; чем выше станет техника и более упрощенными станут процессы труда; чем доступнее будет каждый вид труда рабочему и работнице, которые получат определенную квалификацию; чем больше средств станет для оплаты, хотя и менее квалифицированных, но более тяжелых и неприятных по своему характеру работ,—тем скорей будет исчезать материальное неравенство внутри рабочего класса. Политического неравенства у нас нет и не будет между различными слоями пролетариата. Культурное и материальное неравенство мы уничтожаем и уничтожим. Неравенство между классами мы можем уничтожить только тогда, когда пролетариат сумеет подвести с помощью всех трудящихся материальные основы для социализма не только в городе, но и в деревне. Только так может изжить пролетариат это неравенство.

Ленин писал в одной из своих статей: «Революция в своем ходе свергает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сперва монархию и понимала под равенством только то, чтобы была выборная власть, чтобы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма, шла под лозунгом „равенство". Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк,—так говорили, так думали, так искренно считали революционеры того периода, который в историю вошел, как период Великой французской революции. Революция

шла против помещиков под лозунгом равенства, и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права. Революция пошла дальше. Она говорила, что „равенство"—мы этого не сказали особо в своей программе, но нельзя же повторять бесконечно, это так же ясно, как то, что мы сказали про свободу,—равенство есть обман, если оно противоречит освобождению труда от гнета капитала. Это мы говорим, и это совершенная правда. Мы говорим, что демократическая республика с современным равенством—это ложь, обман, что равенство там не соблюдается и его там быть не может, и то, что мешает пользоваться этим равенством—это есть собственность на средства производства, на деньги, на капитал».

В этой борьбе за равенство мы должны искать опоры в нашем комсомоле и пионерах. Мы знаем, что уравнительные стремления приобретают иногда здесь болезненный характер, в роде «даешь немедленно равенство, даешь немедленно социализм». **Немедленное равенство и немедленный социализм означали бы бешеную гражданскую войну против крестьянства. Они повели бы к неизбежному поражению, к неизбежной гибели не только диктатуры пролетариата, но и всех тех ростков социализма, которые мы уже имеем.** Комсомолу и пионерам надо поэтому привить правильное представление о борьбе за равенство, о том, что это есть длительная задача. Об этом говорил В. И. Ленин на с'езде комсомола в своей речи «О задачах Союза молодежи» в 1920 году [1].

«Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

«А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

«И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

«В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я—часть великой армии

---

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 328–329.

свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок.

«Надо, чтобы Союз Коммунистической Молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати, в сознательном и дисциплинированном труде.

Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены».

О коммунистическом труде я советую каждому прочесть статью Ленина «Великий почин» (Собр. соч., т. XVI). Статья эта посвящена тому героическому порыву коммунистического труда, какой проявили трудящиеся по почину пролетариата (по почину железнодорожных рабочих) в нашей стране в самый тяжелый период, в период невероятных трудностей и разрухи. В то время Красная армия совершала героические подвиги на фронте гражданской войны. Владимир Ильич писал тогда, что «не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу. Гигантское значение имеет в этом отношении устройство рабочими по их собственному почину коммунистических субботников». В этом Ленин видел «победу над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над теми привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину». Владимир Ильич указывал, какая разница между таким трудом и трудом при помещичьем и буржуазном строе.

«Крепостническая организация общественного труда — писал он — держалась на дисциплине, палке, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится, и чем дальше, тем больше будет держаться, на свободной и сознательной

дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

«Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс—пролетариат».

Конечно, эти коммунистические субботники были лишь слабыми ростками нового будущего коммунистического труда. Над ними смеялись, над этими первыми ростками. Как смотрел на них Ленин? Он считал, что, быть может, это один из многочисленнейших опытов, который проделывает пролетариат прежде, чем придет к действительно нужным формам коммунистического труда. Но тот, кто думает, что можно без таких попыток сразу найти в готовом виде форму коммунистического труда, тот обманывает рабочих. Ленин писал по поводу злорадных насмешек наших недругов в эти дни «Великого Почина»:

«Когда новое только что родилось, старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни. Издевательство над слабостью ростков нового, дешевенький интеллигентский скептицизм и тому подобное,—все это, в сущности, приемы классовой борьбы буржуазии против пролетариата, защита капитализма против социализма. Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и „ухаживать" за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно „коммунистические субботники" сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-ой, удовлетворяющий известным требованиям препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную—победить капитализм, должно

хватить настойчивости испробовать сотни тысяч приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них».

Какие же качества требуются для коммунистического труда? Ленин тогда характеризовал их в таких словах: «Самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого фунта хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их „ближним", а дальним, то-есть всему обществу в целом, десяткам и сотням людей, об'единенным сначала в одно социалистическое государство, а затем в Союз Советских Республик».

Заметьте, что Ленин писал это тогда, когда еще не было Союза Советских Республик,—так прозорлив был Ленин.

Ленин тут смеялся над теми, кто **болтает о свободе, братстве и равенстве «вообще» и не борется за то, чтобы действительно в жизни возможно было осуществление этих лозунгов по отношению ко всей массе трудящихся.** Мы читаем у Ленина:

«Карл Маркс в „Капитале" издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, и братстве **вообще,** которое ослепляет мещан и филистеров всех стран, вплоть до нынешних подлых героев подлого Бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечаний Маркса обнаруживается перед нами тем очевиднее, чем более развертывается содержание пролетарской революции. „Формулы" настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эс-эров с их милыми „братцами" из Берна именно тем, что они сводятся все к условиям труда. Поменьше болтовни о „трудовой демократии", о „свободе, равенстве и братстве", о „народовластии" и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней и в этих надутых фразах также легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски-опытный че-

ловек, глядя на безукоризненно „гладкую" физиономию и внешность „благородного человека", сразу и безошибочно определяет: „по всей вероятности мошенник".

Ленин выдвигал скромные требования для того времени:

«Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала—все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и каждой рабочей и крестьянской организации. Все это ростки коммунизма, и уход за этими ростками—наша общая и первейшая обязанность».

Ленин жестоко высмеивал тех, кто иногда называет «коммунистическим» ничего общего не имеющее с коммунистическим. И в самом деле, разве мы не слышим нередко: «коммунистический быт» по отношению к таким явлениям, которые ничего общего с коммунизмом не имеют. Иногда наши враги умышленно указывают на всякого рода извращения коммунистического быта, вроде беспутного беспорядочного полового сожительства: «вот вам коммунистический быт». Ленин уже тогда указывал, что слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом уже об'является «коммуной», и при этом нередко забывается, что **столь почетное название надо завоевать** долгим и упорным трудом, завоевать доказанным **практическим** успехом в строительстве действительно коммунистическом.

«Поэтому вполне правильно, по-моему—писал Ленин — решение, созревшее у большинства ЦИК, отменить декрет Совнаркома в том, что касается **названия** „потребительских коммун". Пускай будет это название проще,—кстати и недочеты, недостатки **первых** ступеней новой организаторской работы не будут взваливаться на „коммуны", а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на **плохих** коммунистов».

И он предлагал:

«Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность „работать по-революционному", способность

повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием „коммуны"».

Однако, пролетариат должен знать, что в различные периоды его борьбы по разному выражаются и задачи коммунистического труда и в известный период выдвигаются такие требования пролетариату, его, если можно выразиться, классовое и моральное чувство заостряется на таких моментах, которые имеют значение именно для этого периода. В своей речи «Об очередных задачах советской власти» (Собр. соч., т. XV, стр. 194) Ленин указывал на то, что теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента становятся: «веди аккуратно и добросовестно счет общественным деньгам, **хозяйничай экономно,** не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде».

И то, что, может быть, пролетариат при капиталистическом обществе считал совершенно допустимым для частного хозяина, он не может, не должен прощать теперь, ибо требования социалистического хозяйства становятся требованиями его пролетарской морали сейчас. **Трудовая дисциплина, создание такого общественного мнения, которое клеймит разгильдяйство, небрежность, бесхозяйственность—вот что становится сейчас во главу угла пролетарской морали.**

ОТНОШЕНИЕ К СПЕЦИАЛИСТАМ.

Но если интересы социалистического хозяйства диктуют пролетариату те или иные нормы его поведения, то те же интересы требуют от него известного отношения к другим классам, к другим слоям, в особенности к тем слоям и прослойкам, которые он должен привлечь на обслуживание социалистического хозяйства, без которых он не может построить социалистического хозяйства. Ленин неоднократно указывал на важность вопроса — установления **правильных отношений к специалистам**, к той интеллигенции, которая должна быть привлечена к социалистическому строительству. Мы знаем, как трудно в этом отношении именно преодолеть то озлобление, то недоверие рабочего класса, которое создалось в период капиталистического хозяйства и

затем в период гражданской войны, когда в лице многих специалистов рабочий класс видел либо прямых пособников буржуазии, либо саботажников, противящихся установлению диктатуры пролетариата и социалистическому строительству. Опыт борьбы последних лет показал, что **пролетариат может привлечь на свою сторону специалистов.** Правда, он делает им кое-какие уступки в смысле лучшего материального обеспечения. Но и здесь выход из этой зависимости от чуждой буржуазной интеллигенции только один: социалистическое накопление, создание условий, которые бы дали возможность создать многочисленные кадры своей рабочей интеллигенции, пропустить через ВУЗ'ы, университеты, инженерные, технические школы, десятки, сотни тысяч рабочих и крестьян. Это надо делать, но это можно сделать так, как учил Ленин. Коммунизм нельзя строить **только** руками пролетариата. Для этого нужно привлечь и уметь использовать все ценное, что осталось в наследие от разрушенного строя. Это тоже должно быть одним из правил поведения пролетариата, обеспечивающим ему победу социалистического хозяйства, победу социализма.

БОЛЕЗНИ ПРОЛЕТАРСКОГО БЫТА.

Мы наблюдаем ряд очень болезненных явлений в пролетарском быте, именно потому, что ростки нового, коммунистического иногда заглушаются пережитками и влияниями чуждого мещанского, буржуазного быта, мещанской буржуазной морали. Возьмем вопрос о мещанстве. Оговорюсь: очень часто мы слышим, особенно среди молодежи, разговоры о мещанстве по отношению к таким явлениям, которые ничего общего с мещанством не имеют. Я перечислю вам несколько примеров. Когда вы видите, что кто-нибудь борется за чистоту, то говорят: ну, это у тебя мещанские привычки, а признак пролетарского духа—не обращать внимания на чистоту. Ходить, чтобы рубашка была на распашку, чтобы одежда была погрязнее и понеряшливее, чтобы вид был нигилистический. Думают, что это и есть самый пролетарский революционный вид, а чистота есть буржуазная привычка, мещанская привычка.

Мещанством об'ясняется борьба с невоздержанностью половых отноешний. Когда при комсомолке начинают вестись похабные разговоры, а она не желает их слушать и говорит: «мне стыдно», тогда говорят ей: ты не освободилась еще от мещанских предрассудков. Настоящая коммунистка не должна стыдиться разговоров на какие угодно темы.

Если вы возьмете невоздержание в языке, то это иногда об'ясняется признаком революционности. И если, например, иногда молодой товарищ употребляет сильные нецензурные выражения и ему на это указывают, то он отвечает что это— пролетарская привычка (Смех). Да, это совсем не смешно. Некоторые, например, спрашивают: можно ли одеваться в платье по моде или нет, потому что это тоже называется мещанством. Иногда, среди нашей молодежи идет травля некоторых товарищей за то, что они одеваются чисто. Я знаю такой случай, когда товарищ, который имеет единственный костюм, тщательно чистил его и гладил прежде чем его надеть, и костюм этот на нем был всегда очень чистенький. В этом видели тоже мещанские привычки. За попытки установить некоторую внешнюю чистоту такие горе-«революционеры» упрекают товарищей в том, что они поддаются нэпу, поддаются буржуазным привычкам. А разве все то, что делала буржуазия — плохо? В этом отношении мы должны сказать, что это совсем не мещанство, что мы свою беду иногда склонны выдавать за добродетель. То, что мы были вынуждены делать в известной обстановке, то теперь, когда обстановка пролетариата меняется и меняется не к худшему, а к лучшему, когда его благосостояние растет и будет расти с каждым днем,—вовсе уже не добродетель. Нищета одежды будет отходить в область предания, как многое из того, что мы переживали раньше. Ленин писал о том, что будет такое время, когда мы построим уборные из золота, потому что оно не будет нам нужно на деньги.

Поэтому нужно вести борьбу с ложным пониманием мещанства и мещанской культуры. Ленин говорил, что мы не можем построить своей пролетарской культуры, не переняв всего ценного, что дала буржуазная культура. И мы не должны стыдиться того, что мы берем мещанское из этой буржуазной культуры, потому что пролетариат тоже прини-

мал участие в этой культуре, он вложил в нее кое-что и свое.

Значит ли это действительно, что в быту пролетариата, даже среди передовой его части,—наших коммунистов и комсомольцев,—не проявляются иногда черты чисто мещанские? Конечно, элементы мещанства мы иногда обнаруживаем не только в отсталой пролетарской среде, но и в своей собственной среде. Разве не мещански-интеллигентским являются эти самые теории половых отношений к женщине, о которых мы говорили выше,—теория «стакана воды», теория о том, что «всякая **вещь изнашивается**, в том числе и женщина, поэтому ее **следует менять почаще».** Разве это пролетарское, рабочее отношение к женщине? Разве не мещанство, когда иногда предлагают такого рода рецепты, как не давать работы при наличии безработицы женщинам, чтобы их содержали обязательно мужья? Разве это не возврат к такой форме семьи, где женщина целиком и экономически, в особенности, зависит от мужчины, где она целиком превращается в рабыню домашнего хозяйства, должна отказаться от общественной деятельности? Разве не мещанство— разсуждения некоторых молодых наших товарищей, что, прежде чем он женится «по-настоящему» он может сотни раз сойтись с сотней женщин, которая сегодня ему нравится? Чем это во многих случаях отличается от отношения к женщине «золотой молодежи», какого-нибудь маменькиного сынка, который, прежде чем по настоящему жениться, перебрал сотни женщин на своем пути, начиная с прислуги в доме и кончая десятками проституток? Что общего здесь с отношением сознательного пролетария к женщине, как к товарищу по работе, товарищу по профессиональному союзу, товарищу по партии, любимому другу, готовому вместе делать важное, нужное (иногда смертельно опасное) дело, товарищу, который вместе готов преодолоть величайшие трудности для того, чтобы коммунистически воспитать ребенка, будущего строителя коммунизма? Разве не мещанство — такая забота о личном благополучии, которая ведет к забвению общественных интересов? Мещанин—это ведь мелкий буржуа, который интересы **своего** мелкого индивидуального хозяйства, ремесленного, крестьянского, ставит выше интересов общественных, интересов своего класса. Разве мало

в нашей среде таких людей? Разве не мещанство—иногда в пролетарской среде, даже в комсомольской и коммунистической,—отрыжки национализма всех оттенков, а особенно антисемитизма? Иногда кое-кому кажется, что бурный протест молодежи против внешних форм упорядочения быта, против заботы о чистоте, о чистой одежде, заботы об упорядочении времени, против регулирования половой жизни, является протестом глубоко революционным, тогда как это есть такой «нигилизм», который ничего общего не имеет с задачами пролетарской культуры, с задачами строительства нового быта, является иногда возведением нашей беды, наших недостатков в добродетель, да при этом еще в революционную добродетель.

Всем таким и подобным,—а их можно продолжить без конца, — проявлениям чуждых пролетариату стремлений и тенденций надо об'явить решительную борьбу.

ХУЛИГАНСТВО.

Одним из темных пятен на пролетарском быте является развитие хулиганства. Хулиганство—явление, глубоко враждебное рабочему классу. Если хулиганство в дореволюционной деревне часто являлось, как это указывал В. И. Ленин, резким проявлением со стороны крестьянской молодежи протеста, проявлением неотомщенных обид, то в настоящее время в рабочем классе это есть признак отсутствия классового сознания, отсутствие сознания интересов идущего вперед класса, класса-диктатора. Это есть проявление индивидуализма, деклассированности. Вот перед нами корреспонденция в «Экономической жизни» из Иваново-Вознесенска.

Хулиганство начинает проникать и в производство, где его проявления принимают довольно опасную форму. Еще осенью прошлого года стало наблюдаться развитие хулиганства, сначала в виде внешнего озорства. Но затем формы его проявления стали более опасны. На Шуйских фабриках, например, хулиганы терроризовали рабочих, в особенности женщин, для которых становилось опасным ходит поодиночке рано утром на работу или поздно вечером с работы. Хулиганы устраивали на дамбе, соединяющей фабричную заречную часть города с его центральной частью, засады, ловили там и оскорбляли беззащитных женщин. Озорство постепенно перекидывалось в общественные места: клубы, театры и т. п. и, наконец, перешло на фабрики, непосредственно в производство.

В одну из суббот, в ноябре, паровая турбина б. Шуйской фабрики стала давать перебои настолько опасные, что ее, а вместе с нею и фабрику, пришлось остановить. Оказалось, что в турбину были насыпаны гвозди, что могло быть сделано лишь с хулиганской целью. На днях на Сосневской фабрике в гор. Иваново-Вознесенске имел место следующий случай. При паровых машинах фабрики имеются небольшие трансформаторы для регулировки хода машин. Недавно один трансформатор по неизвестной причине был сожжен. Повреждение было исправлено. На другой день машинист, осматривавший другой трансформатор, обнаружил при разборке его вложенный тоненький гвоздик, и если до осмотра потребовалось бы включить трансформатор, его бы немедленно сожгло, что вызвало бы неизбежную остановку паровых машин, а вместе с ними и всей фабрики. На той же мануфактуре, в суровье часто попадаются (не случайно) гвозди и твердые вещи, которые при ситцепечатании портят валы. На Большой Дмитриевской мануфактуре, в г. Иваново-Вознесенске, три раза были обнаружены гвозди в суровом товаре. На БИВМ гвозди обнаружены были в печатных машинах, когда товар проходил как чехол в работе шестивального рисунка. Пройдя через шесть валов, гвоздь испортил их все. Рисунок пришлось снять, а валы переделать. Все такие проявления хулиганства наносят уже определенный вред производству, и с ними необходима беспощадная борьба.

К области хулиганства надо отнести также **пьянство**. На Сосневской мануфактуре был произведен интересный подсчет прогулов: до получки, когда нет пьянства, и после получки, когда наблюдается пьянка. Подсчет показал, что в тех отделах, где работают преимущественно мужчины, прогулы после получки угрожающе возрастают. Так, например, в белом отделении прогулы поднялись с 3,03 проц. до 12,12 проц., в суровом с 4,70 до 23,53 проц., стригальном с 5,40 до 13,51 проц. и т. д. В общем по фабрике прогулы, составлявшие до получки 8,98 проц., после получки увеличились до 14 проц. Там образовался даже своего рода спец-кадр прогульщиков, которые ловко приспособились и не прогуливают больше законного времени. Зная, что за прогул 3 дней сразу или 6 дней в месяц грозит увольнение, такой «спец-прогульщик» располагает прогульные дни так, чтобы не нарушать формально закона, и тем избегает кары

Наиболее острые проявления хулиганства наблюдаются на фабриках, позднее других вступивших в работу, и где, следовательно, кадр рабочих был уж набран из безработных, не нашедших работы на других ранее пущенных фабриках.

Рабочий класс в величайших муках восстанавливает производство. Как класс, он знает и должен знать, что каждый шаг вперед для него связан с поднятием производительности труда с увеличением продукции и улучшением качества продукции. Интересы класса диктуют ему улучшение этого качества и поднятие производительности труда. А в это время один из членов этой рабочей семьи или нескольких человек, **чуждые интересам класса,** деклассированные, способны нанести величайший вред и социалистическому строительству

в целом, рабочему классу в целом и рабочим данного завода какой-нибудь хулиганской выходкой, брошенным в трансформатор гвоздем, брошенным в ситценабивные валы посторонним предметом, который рвет ткань и портит валы. Иваново-Вознесенский корреспондент правильно осмечает, что **«наиболее острые проявления хулиганства наблюдаются на фабриках позднее других вступивших в работу», где больше всего деклассированных элементов или элементов, только что пришедших из деревни, не усвоивших пролетарской дисциплины.** Хулиганство в рабочей среде имеет самые разнообразные, проявления и требует с нашей стороны самого серьезного отношения, самой активной и решительной борьбы.

ПЬЯНСТВО.

Или возьмем вопрос о пьянстве. Мы уже говорили об этом страшном наследии прошлого. Мы знаем, что его нельзя сразу изжить. Разными видами (самогон, кокаин, опий) опасных ядов и всякого рода алкогольных и наркотических средств отравляются массы. Мы должны бороться против пьянства не потому, что «вино есть блуд», а потому что **алкоголизм ослабляет волю рабочего класса, делает его неспособным к социалистическому труду, увеличивает прогулы на фабриках и заводах, делает менее стойким рабочий класс в его сопротивлении неблагоприятным условиям работы. Алкоголизм порождает больное поколение, а нам нужно поколение здоровых, крепких, мощных строителей. Алкоголизм ведет к преступлениям.** Там, где коммунист, комсомолец или беспартийный рабочий в завкоме, в кооперативе или в другом общественном учреждении соприкасается с деньгами, **алкоголизм очень часто, сплошь и рядом, ведет к преступным растратам общественных средств. Мы должны вести борьбу самую решительную с алкоголизмом,** именно во имя социалистического строительства, в особенности среди подрастающей смены и смены смене,—комсомола и добиться того, чтобы комсомол—и в особенности пионеры—выросли в условиях отвращения к алкоголизму. Мы убедились в том, что одними запретами сделать ничего нельзя,

здесь главное внимание следует обратить на создание, выработку определенного пролетарского общественного мнения, готового вести борьбу с алкоголизмом.

Мы знаем даже случаи, когда именно на почве алкоголизма развивается у некоторой части пролетариата в этот переходный период, особенно среди молодежи, **случаи самоубийства.** В пролетарской среде это, большею частью, почти всегда — **проявление слабости, отсутствие воли к борьбе, расслабленность.** Вот почему **мы осуждаем самоубийство в рабочей среде, в особенности среди молодежи.** Правда, эти случаи являются одиночными. Менее всего присущи они именно пролетарской среде. Это свидетельствует о том, что **пролетарский быт, пролетарская мораль, даже в самых трудных условиях, вырабатывает достаточно элементов сопротивления расслабляющим влияниям.**

КОМЧВАНСТВО И СПЕЦЕЕДСТВО.

Нам приходится в пролетарской среде бороться, в особенности в комсомольской и коммунистической, с тем, что Владимир Ильич называл **комчванством**—презрением к культуре других классов. Это зло, отмеченное Лениным несколько лет тому назад, не исчезло. Этот вопрос связан и с правильным нашим отношением к специалистам. Мы должны прямо сказать, что без правильного отношения к специалистам, мы не построим социализма. В своей речи о «Задачах Союзов Молодежи» (Собр. соч., т. XVII, стр. 316—317—318) Ленин особенно резко подчеркнул, что наша пролетарская культура невозможна без усвоения того опыта, который оставила нам культура других классов, свергнутых нами. Он говорил тогда:

«И если бы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса—вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучивших законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития, капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное он доказал это

только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука.

«Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческой мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

«Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

«**Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре.** Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

«Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской диктатуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

«Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

«Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться

коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»[1].

ХАРАКТЕР И БУДУЩЕЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ МОРАЛИ.

Пролетарская мораль является, таким образом, моралью борющегося класса. Здесь не место таким настроениям: «после нас—хоть потоп» или «хоть день да мой». Пролетариат—класс, уничтожающий всякое неравенство; класс, уничтожающий всякие перегородки между отдельными государствами, между отдельными нациями, между отдельными классами; пролетариат — класс, уничтожающий все социальное зло, основанное на неравенстве: войны, проституцию, беспризорность, преступления, основанные на неравенстве; пролетариат — класс, который завоевывает знания и науку для всех; пролетариат — класс, делающий материальные блага и красоту, мир и радость жизни достоянием всех. Вот почему пролетариат должен бороться, и в лице своих лучших представителей борется со всеми упадочными настроениями, со всем неверием, хныканием, со всеми попытками возврата к прошлому; вот почему пролетариат смел в своих дерзаниях, разрушает то, к чему не смели касаться другие классы. Трудности на его пути огромны, но он знает, что революция развязывает неиссякаемые источники энергии внутри класса, что революция выдвигает каждый год новые миллионы вокруг него и в других странах, идущих на помощь новому социалистическому строительству.

Мораль пролетариата—это мораль борющегося, поднимающегося класса, это жизнерадостная мораль. То, что приходится сейчас во многом себя ограничивать, сжимать, накладывает на нее несколько более суровый отпечаток **в наши дни.** Однако, усталые головы поднимаются от земли, расправляются могучие плечи, все крепче напрягаются мускулы, преодолевая трудности. Еще глубокие складки пере-

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 316—17—18 «Задачи Союзов Молодежи», ГИЗ.

секают это лицо, напряженное от труда, мучительных усилий, но все чаще и чаще на этом лице играет радостная улыбка. Пролетарские праздники, революционные гимны пролетариата полны радости и силы, они звучат все увереннее с каждым днем во всем мире. Алые полотнища знамен все ярче и все смелее взвиваются в разных концах земного шара. Пролетариат нашей страны, строящий социалистическое хозяйство, все чаще и чаще может с гордостью оглядывать гигантские сооружения социалистического труда, **своего труда.**

В пролетарской морали есть величайшая красота, потому что она помогает освободить не только пролетариат, она помогает освободить все классы. **Она еще не стала общечеловеческой моралью, но она привлекает к себе лучшие умы, лучшие силы и других трудящихся классов; к пролетариату идет и делу пролетариата помогает все, что есть действительно гениального даже в чуждых классах. И это будет тем сильнее, чем выдержаннее будет, чем увереннее будет, чем сплоченнее будет пролетариат в своей борьбе, в отстаивании своих классовых интересов, которые направлены именно к тому, чтобы сделать свободным все человечество.**

Мораль пролетариата—это вовсе не мораль аскетов, как ее иногда изображают. Наша нищета это—наша беда, мы ее изживем. **Ограничение, временный отказ от тех или иных радостей жизни—это лишь переход к более полному наслаждению радостями жизни широких трудящихся масс. Величайший и наиболее действительный лозунг настоящих дней, того, что должна определять и определяет мораль передовых пролетариев наших дней, это—делать так и делать то, чтобы усилить социалистическое накопление, усилить рост и темп роста материального благостояния Союза Советских Социалистических Республик, потому что только этот рост и это усиление темпа этого роста означает, при наличии диктатуры пролетариата, рост общей культурности, общего богатства, рост равенства, но не равенства нищеты, а равенства благосостояния, рост многообразия и разносторонности жизни пролетариата.**

Что же станет с этими классовыми нормами, с этой классовой пролетарской моралью, когда мы достигнем социализма, коммунизма? Сохранится ли особая пролетарская мо-

раль, будет ли классовой? Конечно, нет. Чем больше мы будем втягивать слои трудящихся других классов, крестьянство, в социалистическое строительство тем более пролетарская мораль будет становиться моралью социалистической. Она сама будет претерпевать в процессе борьбы изменения. Мы не устанавливаем каких-нибудь вечных моральных пролетарских истин. Пожалуй, даже правильнее будет сказать, что они имеют для нас служебное значение постольку, поскольку они помогают социалистическому строительству. И как при социализме станет отмирать необходимость государственной власти, как будут отмирать такие институты, как современный суд, армия, так станут меняться и формы семьи и формы отношений между людьми; так, с отмиранием классов будут отмирать и те нормы морали, которые созданы были именно потому, что налицо были классы. Многое из того, что в этот переходный период помогает создавать это равенство и уничтожать неравенство, войдет прочным наследием надолго, на продолжительный период в сознание нового общества. **Многие из тех общественных навыков, которые создает пролетарская борьба, борьба за общественный труд станут достоянием бесклассового социалистического общества. И в этом смысле многое из того, что является в настоящее время классовой пролетарской моралью, станет моралью общественной, общечеловеческой.**

Борьба пролетариата направлена на осуществление социалистического строя. Социализм несет за собою уничтожение всех видов неравенства. Эта цель, эта задача так обаятельна, так прекрасна, так величественна, что ради достижения ее пролетариат не остановится ни перед какими трудностями. Ради не стоит жить, бороться и умереть.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 50 коп.

16.

Торгсектор Издательства „ПРИБОЙ“,
Ленинград,
Проспект 25 Октября, № 56. Телеф. 2-17-79 и 2-07-67
Московское отд. — Лубянский пассаж, 46 — 49. Телефон 2-24-09.
Отделения: в Ростове на Дону, Краснодаре, Харькове, Екатеринославе, Киеве, Одессе, Саратове, Самаре, Свердловске, Перми, Н.-Новгороде, Череповце и Новгороде.